

ПАВЛО ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

РОКСОЛАНА

В ГАРЕМЕ СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

ГАРЕМ

Павел Архипович Загребельный

Роксолана. В гареме

Сулеймана Великолепного

Серия «Роксолана», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6038138

Роксолана. В гареме Сулеймана Великолепного: Алгоритм; Москва;

2013

ISBN 978-5-4438-0256-5

Аннотация

Знаменитый роман о Хуррем! Книга повествует об удивительной судьбе славянской девушки, украденной в XVI веке и проданной на стамбульском невольничьем рынке в рабство. Обладая блестящим умом, необыкновенной силой воли и привлекательной внешностью, она из бесправной рабыни стала женой султана Сулеймана Великолепного (Завоевателя) – самого могущественного султана Османской империи. Овладев вершинами восточной и европейской культуры, эта знаменитая женщина вошла в историю и играла значительную роль в политической жизни своего времени.

Султан Сулейман называл свою возлюбленную Хуррем и слагал в ее честь прекрасные стихи. Их любовь стала основой самого популярного на сегодняшний день сериала

«Великолепный век», поклонниками которого стали миллионы зрителей по всему миру.

Книга также выходила под названием «Роксолана. Роковая любовь Сулеймана Великолепного».

Содержание

Море	6
Ибрагим	20
Рогатин	57
Отара	80
Валиде	92
Книга	134
Сулейман	137
Махидевран	149
Хуррем	160
Колонна	192
Река	203
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Павел Загребельный

Роксолана. В гареме

Сулеймана Великолепного

© Загребельный П., 2013

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Море

Не вздымалась злосупротивная волна навстречу турецкой кадриге¹, море было тихое, ветер начинался ежедневно после захода солнца, дул всю ночь с берега, но вода от него лишь слегка морщинулась, к утру же залегала мертвая тишина на воде и в воздухе, и только после полудня задувал с моря свежий ветерок, поворачивал за солнцем, точно гонясь за ним, и умирал к вечеру вместе с солнцем.

Так и состязались здесь извека два ветра – один с суши, другой с моря – и летели над водами дальше, дальше, в бес-предельность.

Кадрига кралась вдоль берега, не решаясь выйти на широкий простор этого переполненного водами исполинских славянских рек моря, непроглядного в глубинах, таинственно-неприступного, черного, как шайтан, Кара Дениз...

Три паруса – один красный, два зеленых – едва надувались, кадригу гнали вперед своими веслами галерники, на двадцати шести лавках по четыре гребца, голые до пояса, бритоголовые, в кандалах, прикованные к толстенной цепи, змеившейся по дну кадриги. Ни выпрямиться, ни места переменить, спали и ели посменно на своих лавицах, волны били в них, солнце жгло, ветер рвал тело, пот заливал глаза, а

¹ *Кадрига* – галера.

вдоль помоста, проложенного над галерниками, бегал с канчуком евнух-потурнак – ключник, похожий на старого вола, евнух, наделенный силой тоже чуть ли не воловьей, в высокой чалме, в расхристанном шелковом халате, тряс жирной грудью, кричал до пены на губах, подгоняя гребцов, а они и сами с каждым взмахом весел, словно бросая в проклятую воду не только весла, но и всю свою силу, выдыхали из себя дико, с ненавистью: «Г-гик! Р-рык! Г-гик! Р-рык!»

Хоча й би синее море розіграло,
Хоча й би турецький корабель розірвало...

На демене-корме – натянут от солнца и непогоды навес из полосатого белого с синим – египетского полотна. Старый Синам-ага, страдая от хворей, устало поглядывает на шестерых, прикованных друг к другу, красивых молодых черно-оких женщин в железных ошейниках. Кто может измерить всю глубину отчаяния старого Синам-аги, который был вынужден заковать в жестокое железо эти молодые тела, полные отчаянья еще большего! Все они похищены и пленены, а две из них еще и оторваны от грудных младенцев, все проданы на невольничьем торге в Кафе, почти нагими брошены на кадригу (пусть свежий ветер Кара Дениза золотит их молодые влекущие тела), скованы железом, чтобы спасти их от отчаянья и от нечестивых попыток найти себе смерть в волнах. Кадрига крадется вдоль берега, пробивается все дальше

и дальше на юг, к благословенным землям Анатолии, к Босфору, к священному Стамбулу, где этих молодых чужестранок уже ждут в гаремах. Сказано у поэта: «Бери чаще новую жену, чтобы для тебя всегда длилась весна. Старый календарь не годится для нового года». И старые глаза Синам-аги, утомленные суетой и несовершенством мира, отдыхают на гибких белых телах полонянок. И хоть не подобает правоверному созерцать греховную женскую наготу, так пусть хоть глаза старого Синам-аги утешаются в пути созерцанием славянских рабынь, коли уж тело немощно. Ибо сказано: «Аллах хочет облегчить вам; ведь сотворен человек слабым». Да и что ему, старому Синам-аге, эти шесть пленниц? Может, он и взял их на кадригу разве что для отдохновения очей своих? Вез же в Стамбул, на знаменитый Бедестан, где продаются самые дорогие под луной рабы, молодую белотелую девчушку с волосами червонного золота, отливающими огнем потусторонним, пятнадцатилетнюю, дерзкую, непокорную и – о всемогущество Аллаха единого и милосердного! – смешливую и беззаботную!

Купава. Художник Б.М. Олшанский

Девчушка не закована в железо, не прикована ни к кад-
риге, ни к несчастным своим подругам, не светит она на-
гим телом, а укутана заботливо в шелка, чтобы тело ее не
утратило нежности; жилистый евнух-суданец, посвященный

в непостижимое искусство древнего Мисра², натирает девчушку какими-то благовониями, расчесывает ее золотые волосы, а она то шаловливо подставляет себя под Купава. Художник Б.М. Олшанский это чужеземное лелеянье, то увертывается и летит к борту кадриги так, словно собирается утопиться, и Синам-ага, от ярости меняясь в лице, топает ногами, пронзительно кричит на евнуха, призывая на него страшнейшие кары земные и небесные за недосмотр, а девчушка подпрыгивает-вытанцовывает у самого борта, еще пуще изводя старого агу, да еще и припевает:

Нехай шуки їдять руки,
А плотиці – біле лице,
Нехай нелюб не любує,
Біле лице не цілує,
Нехай пісок очі точить,
Нехай нелюб не волочить...

– Настася! Не бери души! – стонут полонянки.

Тогда златовласая девчушка заводит такую тоскливую, что и Синам-ага, даже не понимая языка, опускает голову на тонкой морщинистой шее и тяжело задумывается о своих грешениях перед Аллахом:

Ой, повій, вітроньку, да з-під ночі,
Да розкуй мої да руки-ніженьки,

² Миср – арабское название Египта.

Ой, повій, вітроньку, з-під темної ночі,
Да на мої ж да на карії очі...

Горы подступают к самому морю, настороженно высятся над водой. Море заглядывает в темные ущелья, в широкие устья рек и ручьев, в чащи и леса на склонах. Потом долго тянется вдоль берега плоская равнина, образованная тысячелетними выносами мутных рек, на которых древние греки искали когда-то золотое руно.

Тяжелый путь кадриги упирается в суровые горы Анатолии, вздымающиеся высоко под небесами за полосой круглых холмов, песчаных кос и пастбищ. На узких полосках земли пасутся кони, растут какие-то злаки, затем горы подступают к самому морю, острые, скалистые, мертвые, а за ними беспредельный снежный хребет, холодный, как безнадежность; холодом смерти веет от тех снегов, ледяные вихри зарождаются в поднебесье, падают на теплое море, черный дым туч клубится меж горами и водой, алчно тянется к солнцу, солнце испуганно убегает от него дальше и дальше, и на море начинает твориться нечто невообразимое.

Точно змей из страшной детской сказки родился где-то над горным горизонтом, сотканный из призрачного желтого света, припал к поверхности моря, потом круто взмыл в небо, полетел выше, еще выше, закрыл шаровидной головой полнеба и стал лакать из моря свет, жадно и торопливо прогоняя его по своему длиннющему телу в ту шаровидную го-

лову. Бесконечное змеиное тело билось в судорогах от притока света, голова кроваво кипела огнем, а море темнело, темнело, чернота надвигалась на него отовсюду, тяжелая и плотная, только изредка пробивалась несмелым взблеском голубовато-зеленая волна и умирала посреди сплошной черноты, и море становилось как черная кровь.

В тот короткий промежуток времени, наступивший между появлением тревожного мрака и неминуемой бурей, испуг охватил Синам-агу и его прислужников, затрепетали от страха скованные железом пленницы, только галерники выкрикивали после каждого взмаха весел еще более дико и словно бы даже обрадованно, да златовласая пятнадцатилетняя Настася дерзко осмотрелась вокруг и, наверное, впервые за все время плаванья подумала, что, может, и в самом деле броситься бы сейчас с кадриги и утопиться навеки! Потому что, пожалуй, человеку иной раз лучше утонуть, чем мучиться... Если бы она знала, что лучше! Да если бы еще знала, что воды примут ее тело и успокоятся. И успокоятся ли? И выплеснут ли хоть каплю той печали, которая заполняет это море до самых высоких его берегов?

А уже падала на них буря, такая страшная, что море содрогнулось до своих глубочайших глубин, вздыбило свои воды, взревело и загремело.

«И ты увидишь, – бормотал Синам-ага, – что горы, которые ты считал неподвижными, – вот они идут, как идет облако...»

Паруса на кадриге уже давно были сорваны, теперь невольники рубили мачты, и они, падая, раздавили тех, кто, удерживаемый железной цепью, не мог спастись.

Исчезло все, умерло навеки, убитое каменной силой вознесшихся до небес водяных гор, сатанинским ветром, ошалелостью всего мира, лишь какое-то подобие жалобного стенания, преодолевая рев, свист и громы стихий, тонкой нитью неожиданно провисло

над несчастными душами, может, и рождаемое теми душами, стенание, услышанное сначала одной лишь пятнадцатилетней Настасей, потом ее изгоревавшимися подругами, потом галерниками, потурнаками-евнухами и даже самим Синам-агой, потому что все они, в конце концов, были людьми, хотя и не одинаково милосердными и не одинаковых достоинств, и уже когда должны были погибнуть все, когда кадригу не могли спасти ни железнорукие гребцы, ни молитвы Синам-аги, ни неистовство потурнака-ключника, ни слезы полонянок, ни отвага златовласой девчушки, ни сам Аллах, донеслось откуда-то это тонкое стенание, этот жалобный плач-стон, – родившись в душе Настасиной, он стал слышен всем людям и стихиям, подхватил кадригу, повел за собой, повел, и провел сквозь стихию, сквозь смерть и гибель, и вывел туда, где еще светило солнце, зависая над вечерним горизонтом, где море хотя и билось еще отчаянно, но уже не крушило всего на себе, где была жизнь, хотя и горькая для пленниц, но жизнь, ох, жизнь, и уже не стон-плач был в ду-

ше златовласой девчушки, а напев, тонкий и высокий, сияющий, как золотая нить, и светился тот напев, как молодая девичья душа, и хотелось кричать, смеяться и плакать, заламывать руки от неудержимой радости и отчаянья за только что перенесенное: «Жить, хочу жить!»

Синам-ага бормотал из Корана: «И восток, и запад Алла-ху принадлежат». Кадрига шла всю ночь вдоль темных берегов, утреннее солнце высветило глубокие морщины в древнем теле гор, за скалистыми островками море как бы проваливалось, каменные горы простлали до самой воды округлые зеленые холмы, судно очутилось между теми холмами. Синам-ага и его прислужники радостно закричали: «Богази-чи! Богазичи!»³, а с широкого моря, точно радуясь спасению людей, весело погнался за галерой целый табун добрых удивительных созданий; они охватили кадригу полукругом, выпрыгивали из волн, темноспинные, белобрюхие, могучие и красивые, ловко прошивали глубину, точно живые веретена, приближались к кадриге в радостных всплесках, в веселой игре, и словно бы даже пение доносилось от них, словно бы даже человеческое что-то или от глубинных высших сил живых. Девчушка златовласая бросалась к бортам, то к правому, то к левому, захлопала в ладоши, прокричала что-то тем удивительным добрым созданиям, запела им, суданец-евнух, для которого дельфины не были в диковинку, слегка озадаченно взглянул на Синам-агу, а тот, как-то горестно вздох-

³ *Богазичи* – Босфор.

нув, протянул руку, показывая, чтобы евнух подал ему длинное бронзовое ружье.

Выстрел прогремел с такой силой, что казалось, уже один его звук должен был сбросить белотелую девчушку в море, но девчушка в ярких чужих шелках угрожающе нависала над самым бортом, падая и не падая в босфорскую волну, зато в табуне добрых дельфинов один, пораженный, может, в самое сердце, исчез в глубине, его товарищи ринулись за ним, чтобы спасти, но, бессильные помочь ему, вновь вынырнули и отдалялись от кадриги так же быстро, как незадолго перед этим приближались к ней, а тот, сраженный, убитый и еще не добытый, внезапно всплыл почти у самой кормы, блеснул в прозрачной воде белизной, тяжело перевалился темной спиной через буруны; умирающее животное так и льнуло к деревянному телу кадриги, и гребцы занесли весла, держали их на весу, не опуская в воду, чтобы не задеть дельфина, за которым, точно красное руно, тянулась багровая полоса крови. Дельфин не поспевал за волнообразным движением воды, высовывал спину, поднимал в муке голову, и тогда становилось видно, что есть в нем что-то от человека. Умирал как человек. Беспомощно, мучительно, тяжело. Еще раз блеснул брюхом, перевернулся, навеки исчез в темной глубине и точно звал с собой и к себе всех, кому на поверхности, под солнцем и небом, было тяжело, невыносимо и безнадежно, звал и тех галерников с обритыми головами и почерневшими, как кора на старых деревьях, телами, и женщин-полоня-

нок, и ту пятнадцатилетнюю золотоволосую девчушку, которую Синам-ага в чаянии высокой прибыли готовил к жизни сладкой и роскошной, – но для кого же, для кого? «Не хочу! Не хочу!» – кричало все в ней, а она подавляла тот крик, загоняла его в глубь души, полными слез глазами смотрела уже и не на глубины моря, в которых навеки исчезло доброе морское существо, а на высокие зеленые берега, на птиц, вольно реявших над кадригой, на белые камни суровой крепости, опоясывающей узкий пролив, на толстые железные цепи, которыми запирались турецкие воды, отгораживаясь от свободного морского мира. Гребцы неохотно и не спеша опускали длиннющие, тяжелые, как камни, весла в воду, но кадрига плыла уже и без весел, свободно и охотно, все убыстряя бег, словно бы радовалась своему вновь обретенному умению чувствовать родной берег, возвращаться в родной город, в свой дом. А она? На что она тут, так далеко от родного дома, на что, на что, Настася, Настася? Спрашивала сама себя, называя себя так, как называли ее мама, татусь, а слышалось другое: на что, на что? Спрашивало чужое небо, спрашивали чужие деревья, спрашивали чужие птицы, спрашивали чужие воды, – все вокруг наполнилось коротким и безнадежным: «На что? На что, Настася, Настася?»

В последний раз слышала свое имя здесь, над морем, ибо должно было оно утонуть в море навсегда, навеки.

...И названо было море Черным.

Памятник Роксолане на Украине

Ибрагим

Зеркала были как вода. С блеском глубинным и загадочным. Ибрагим любил зеркала и свое отражение в них. Как в детстве. Тогда он смотрелся в воду. Вода окружала остров Паргу. Маленький Георгис каждый день бегал на берег – встречал отца-рыбака с моря. Глядел на воду, видел свое отражение. Небольшого роста, ладный, востроглазый. Слишком бледнолицый для искони смуглых островитян. Перенял от них бойкость и подвижность.

А бледность, возможно, зародилась как раз оттого, что он пристально всматривался в воду. Но это его не очень занимало. Посвистывал себе и напевал, прыгая то на одной, то на другой ноге. Охотно свистел на свистульках, играл на самодельных дудочках. У соседских дочек была старенькая цитра – вскоре Георгис брэнчал и на цитре. Отец пропадал в море или заливался вином по самые глаза. Сын? Кроме старшего растут еще два. Вырастут помощники. Способности? Это слово было ему неизвестно. Мать приобрела у торговца, скупавшего губки по всему побережью, небольшую виолу. Приплывая на Паргу, торговец показывал маленькому Георгису, как играть ту или иную мелодию. Не для усвоения, а чтобы посмеяться над рыбацким сыном. Когда же он приплывал через месяц, мальчик уже играл услышанное лишь однажды. Как будто на острове у него был учитель. Ибрагим

ходил на берег, дожидался отца, играл и играл. Для морских волн, для безмолвных камней, для высокого неба. Часто засыпал с виолой в руках, спал под палящим солнцем, на горячих камнях, но лицо его оставалось белым. Жизнь легка и заманчива! Даже когда приходилось помогать отцу, думал так же, поскольку помогал лишь относить губки тому странствующему торговцу. Не было тогда видно ни отца, ни сына. Двигутся две округлые кучи губок, а под ними мелькают две пары ног. Коричневые, жилистые, потрескавшиеся, все в ссадинах и шрамах – отца. И стройные, тонкие, как у козлика, – сына. Грек большой и грек маленький. Большой так и остался греком. Где-то ловит рыбу, достает губки с морского дна, высушивает, продает заезжим торговцам и пропивает все заработанное. Пьет неразбавленное кислое вино, как дикий фракиец. А маленький вырос и уже давно не грек, а Ибрагим-эфенди. Он красив, умен, богат и почти так же всемогущ, как и султан Сулейман. Говорить об этом излишне. В Стамбуле болтают лишь глупцы. Настоящие люди умеют молчать. Делают свое без шума. Человека вообще не слышат и не знают. Особенно же в таком городе, где говорит только история. Единственный способ, чтобы тебя заметили, – бить в глаза: уметь жить, наряжаться, показывать, кто ты есть. Ибрагим не был ни пашой, ни санджакбегом, ни бейлербегом⁴, ни визирем, но могущество его не имело границ. «Душа султана, его сердце и дух» – так прозвали Ибрагима. С Сулей-

⁴ *Бейлербег* – титул пашей и наместников (турецк.).

маном прожил десять лет в Манисе, где султан Селим держал своего единственного сына, наследника трона, лишь изредка позволяя ему побыть своим наместником в Стамбуле, когда сам отправлялся в далекие и трудные походы, как это было шесть лет назад, во время покорения Египта. Султан Селим не любил сына, не любил он и свою жену Хафсу, дочь крымского хана, держал обоих в отдалении, равнодушен был к обычным утехам, в гарем заглядывал изредка, да и то лишь затем, чтобы войско не сомневалось в его мужских достоинствах, любил только войну, охоту, верных своих янычар. Про Ибрагима Селим знал, как знал обо всем в своей беспредельной империи. Возненавидел вертлявого грека. Возненавидел и сына за то, что тот сделал своим любимцем не воина, а какого-то вертопраха. Особенно не любил пышность в одежде, к которой Ибрагим приохотил шах-заде Сулеймана. И поэтому показалось странным, когда султан прислал Сулейману из Эдирне, куда отправился на большую охоту в начале рамадана⁵, дорогую сорочку из тонкого шелка. Валиде Хафса не дала сыну надеть ее. Позвала одного из балтаджи-ев, который когда-то повел себя с нею неучтиво, сказала, что прощает его и в знак прощения дарит ему дорогую сорочку. Такая сорочка приличествовала бы и самому султану. Балтаджи надел ее и в тот же день скончался в страшных муче-

⁵ *Рамадан* (рамазан) – 9-й месяц мусульманского лунного года хиджры. Согласно догадкам, в этом месяце был «ниспослан» на землю Коран. В рамадан мусульмане должны были соблюдать пост (уразу).

ниях. Селим прислал своему сыну отравленную сорочку! Зачем? Думал жить вечно, устраняя единственного наследника? Или не заботился о достойном продолжении рода Османов, могучей лозы Османова древа? Шах-заде не спал тогда всю ночь, все допытывался у Ибрагима. Ибрагим перебирал случаи из истории. Там можно было найти еще и не такое. Но кто же может успокоить себя прошлым?

В конце рамадана умер султан Селим. Умер от болезни почек на пути из Стамбула в Эдирне, в тех самых местах, откуда восемь лет назад выступил против родного отца, султана Баязида Справедливого. Может, носил эту неизлечимую болезнь в себе уже давно и, не имея ни времени, ни надежд на получение престола, расчистил себе путь к власти убийствами своих братьев, их детей, укорочением века самому султану Баязиду. Носил в себе дикую боль, тщетно пытался унять ее опиумом, может, собственной болью мог бы оправдать и свою нечеловеческую жестокость? Жестокость к врагам уже не удивляла никого – все Османы были жестоки. Но к родному и единственному сыну?

Известие о смерти принес в Манису Ферхад-паша, бывший раб родом из Шибеника, грабитель и убийца, любимец Селима и... Сулеймана. Одного очаровал своей звероловностью, другого быстрым умом, песнями, беседами. За него выдали Сулейманову сестру Сельджук-султанию, принцессу, гордую своей красотой, но и она, так же, как и валиде, была в восхищении от бывшего раба.

Для Османов происхождение никогда много не значило. Только заслуги, верность, преданность и личные достоинства. Кто умел крикнуть громче всех во время штурма вражеской крепости, ударить сильнее всех саблей, растоптать наибольшее количество врагов, растолкать локтями всех вокруг, лезть напролом без стыда и совести, лишь бы только во славу Аллаха и на пользу и услужение султану. Каждый нищий мог стать великим визирем, вчерашний раб – царским зятем. Ведь сказано: «Разве же у них лестница до неба?»

Паша, загоняя коней до смерти, мчал из Эдирне, чтобы принести в Манису весть о смерти султана, прежде чем об этом узнают в Стамбуле. Он торопил Сулеймана: «Быстрее, быстрее!» В столицу, в султанский дворец, пока не провели янычары, пока стамбульская чернь не выплеснулась на улицы... Сулейман не верил. Султан мог подговорить Ферхад-пашу. Заманить Сулеймана в западню и расправиться.

Ферхад-паша падал на колени, целовал Сулеймановы следы. «Сияние очей моих! Разве бы осмелился раб твой...» Сулейман кривил тонкие губы в усмешке. Слишком много черных теней затемняло сияние самого Ферхад-паши. В царской семье хотел властвовать безраздельно, соперников не терпел. Если перед шах-заде заискивал, то Ибрагима ненавидел открыто. Называл его ржавчиной на сверкающем мече Османов.

Тогда прибыл новый гонец. Теперь уже от великого визиря Пири Мехмед-паши из Стамбула. Мудрый Пири Мех-

мед прислал Сулейману шелковый свиток: «Моему досто­ славному повелителю. Дня двадцать седьмого рамадана по­ чил в Аллахе всесветлый султан Селим. Смерть его скрыта от войска. Остаюсь для повелений моего досто­ славного вла­ стителя».

Сулейман поцеловал свиток. Взял с собой Ибрагима и Ферхад-пашу. Ибрагима для себя, пашу для янычар. Коней меняли через каждые три часа. Ферхад-паша издевался над Ибрагимом: «Рассыплешься!» – «До твоих похорон дожи­ ву!» – «Подумай, кому это говоришь?» – «Я уже подумал». Сулейман не разнимал двух фаворитов. Один – его собствен­ ный, другой – всей султанской семьи. Может, ждал, кто ко­ го? Но Ибрагим ждать не мог.

На вершине пятого из семи стамбульских холмов Сулей­ ман поклонился покойному султану, и первым, что он пове­ лел, было: воздвигнуть на том месте джамию⁶, тюрбе⁷ и мед­ ресе в память великого покойника. Только после этого всту­ пил во дворец Топкапы.

Янычары взвыли, услышав о смерти Селима. Султана зва­ ли Явуз Грозный, с ним и они были грозны как никогда прежде. В знак скорби посрывали с голов свои островерхие шапки, свернули походные шатры, бросили их на землю, от­ казались служить новому султану. Ибо тот признавал толь­ ко свои книги, выискивая в них мудрость. А мудрость – на

⁶ *Джамия* – большая (соборная) мечеть.

⁷ *Тюрбе* – гробница (араб.).

конце ятагана. Пусть себе утешается книгами!

Сулейман терпеливо переживал смуту в придворном войске. Надеялся на Ферхад-пашу? Или на старого Пири Мехмеда? Потом велел открыть сокровищницу и стал щедро раздавать золото и серебро. Янычары притихли. Отпустил домой шесть сотен египтян, взятых в рабство Селимом. Персидским купцам, у которых Селим перед походом против шаха Исмаила забрал имущество и товары, возвратил все и выплатил миллион аспр⁸ возмещения. В науку другим и для острстки повесил командующего флотом капудан-пашу

Джафер-бега, прозванного Кровопийцей. Никто не знал, что это первая месть Ибрагима. Да и сам капудан-паша не успел догадаться об истинной причине своей смерти. Забыл, как пятнадцать лет назад был привезен на его баштарду художавый греческий джавуренок со скрипочкой и как, насмехаясь, почесывая лохматую жирную грудь, прячась в тени шелкового шатра на демене, поставил он под солнцем на шаткой палубе мальчонку и велел играть. И тот играл. Может, думал, что и схватили его на берегу только затем, чтобы потешил игрой капудан-пашу? И, пожалуй, надеялся, что его отпустят к папе и маме? «Хорошо играешь, малыш, – сказал Джафер-бег, – и как жаль тебя продавать! Но что я бедный раб всемогущественного и милосердного Аллаха, могу поделаться?» И он даже заплакал от растроганности и безысходности. Сказано же: кого волк схватит, того уже в лес не пустит.

⁸ *Аспра* – денежная единица.

Джафер-бег продал маленького Георгиса за пятьдесят дукатов богатой вдове Феррох-хатун из Маниссы. Добрая женщина не только уплатила бешенные деньги за ничтожного греческого мальчугана, она не жалела денег на самых дорогих учителей; и за пять лет Ибрагим (ибо теперь его так звали) словно заново родился на свет. Не узнал бы его уже никто с маленького острова Парги.

Повезло даже в несчастье. Ему повезло и еще раз: шахзаде Сулейман услышал однажды на улице, как Ибрагим играл на виоле. Небесная игра! Феррох-хатун плакала горькими слезами, расставаясь со своим воспитанником. Воля шахзаде для нее была превыше любви к Ибрагиму. Шестнадцатилетний шахзаде купил себе семнадцатилетнего раба редкостных способностей, знаний и достоинств. Не мог жить без Ибрагима. Назвал его сияхтаром оруженосцем. Ибрагим платил Сулейману преданностью, любовью и благоговением. Не довольствовался словами, взглядами, готовностью служить во всем. Доходил уже и до невероятного. Обрезал Сулейману ногти над серебряной тарелочкой и хранил их в розовой воде, как драгоценнейшую реликвию. Сулейман сочинял стихи про Ибрагима. Называл его макбул – милый, мергуб – желанный, махбуб – любимый. Часто спал с ним в одной комнате, забывая о красавицах из своего маленького гарема. Заставил Ибрагима завести собственный гарем. Пока из одних рабынь. Женщины тоже любили Ибрагима. Он был любовником пылким и утонченным, как все греки. Гре-

ком оставался, несмотря ни на что. С Сулейманом они читали Аристотеля по-гречески. Спорили о Платоне и Сократе, тоже по-гречески. Когда в Стамбуле Ибрагим познакомился с богатым венецианским купцом Луиджи Грити, то первый их разговор велся опять-таки по-гречески. Внебрачный сын венецианского сенатора Андреа Грити, на десять лет старше Ибрагима, человек невероятного богатства, Луиджи повел себя с Ибрагимом как с братом. За кипрским вином неторопливо велись беседы о поэзии, об Александре Македонском и Ганнибале, об исламском мудрословии. Грити учился в университетах Вены и Падуи, Ибрагим – только у безымянных улемов⁹. Один родился в роскоши, другой происходил из вековых голодранцев. Но кто бы заметил различие между ними? К тому же, будучи и старше, и богаче, и могущественнее, и образованнее, хозяин дома уступал младшему, незнатному, рабу, наконец, даже в языке! Не удивлялся только Ибрагим. Ибо знал то, что знал и Грити. О смертельном недуге султана Селима. И о том, что Сулейман единственный наследник престола. А также о том, что он, Ибрагим, душа и сердце Сулеймана.

⁹ Улем – мусульманский ученый.

Все-таки жизнь легка и прекрасна. На третий день после провозглашения Сулеймана султаном Ибрагим получил пост смотрителя султанских покоев и звание великого сокольничего. Ему был предназначен двор на Ат-Мейдане, возле античной цистерны Бинбир-дирек. От Ат-Мейдана через ипподром до Айя-Софии и серая Топкапы совсем близко. Султан хотел, чтобы его любимчик был всегда рядом. На Ат-Мейдане происходили смотры султанского войска. Там муштровались янычарские орты¹⁰. Через него пролегал путь торжественных султанских выездов – селямликов. Ат-Мейдан был как бы зеркалом султанского Стамбула. А Ибрагим любил зеркала. Венецианца не удивишь таким подарком, но Ибрагим, поселившись на Ат-Мейдане, часто посылал Луиджи Грити на Перу зеркала, то бронзовые, то серебряные, а то и золотые. У османцев нет предметов без значения. Ведя происхождение от темных сельджуков, они не возлагали больших надежд на письменность, обходились по обычаю своих неграмотных предков языком вещей. Даже совершенно неграмотный османец мог составить любое послание. Зеркало значило: «Я готов всем пожертвовать для вас». Грити охотно включился в предложенную Ибрагимом игру. Присылал ему виноград, свитки синего и голубого шелка, сладости, ветку алоэ. Это означало: «Сердце мое, я люблю

¹⁰ *Орты* – янычарские воинские подразделения.

вас! Страдания, кои претерпеваю я от своей любви, едва не сводят меня с ума. Душа моя стремится к вам со всей силой страсти. Пролейте благотворный бальзам на мои раны!» Ибрагим отсылал золотую монету. Это значило: «Я буду любить вас еще сильнее».

Истекал второй месяц со дня провозглашения Сулеймана султаном. Убедившись в щедрости и суровости нового султана, Стамбул утихомирился. И хотя огромная империя взрывалась бунтами то тут, то там, в столице жизнь налаживалась. Первым признаком этого было то, что купцы повезли на Бедестан драгоценные товары и самых дорогих рабов. Луиджи Грити через посланца пригласил Ибрагима посетить вместе с ним Бедестан, где должны быть редкостные молодые рабыни. Даже черкешенки, которые ценятся дороже всех. Луиджи Грити намекал Ибрагиму, что уже забыл о его рабстве. Собственно, в этой земле все рабы. Народ – раб султанов, султан – раб Аллаха. Чтобы сделать приятное Луиджи, Ибрагим решил одеться венецианским купцом. Цветные кружева, черный бархат, золотая цепь на шее, перстни с крупными самоцветами, широкополая шляпа с драгоценным плюмажем. Одевали его два греческих мальчика. Красивые и изящные, как и сам Ибрагим. Он окружал себя только красивым. Хотел видеть себя в зеркалах чужих жизней. Не переносил евнухов. Ненавидел надругательства над человеческой природой. Человека лучше убить, чем искалечить. Смерть следует рассматривать как один из способов облегчить че-

ловеческую жизнь. И не тому, кто убивает, а кого убивают. Пока живой, можно было утешаться такими рассуждениями. А он был жив и не имел намерения умирать. Может, и никогда. Смотрел на себя в венецианское зеркало, подаренное Луиджи Грити. Нравился себе, как всегда. Тонкий, нервный, изысканный. На бледном лице выразительно очерченные губы, из-под тонких черных усов поблескивают ровные острые зубы, так плотно поставленные, что кажется – их вдвое больше, чем нужно. Иные развивают тело, он развивает дух. Тело приспособлялось к духу, шлифовалось им, зависело от него, а дух был свободный, раскованный, миллионнолик. Потому и любил себя Ибрагим удвоенного, утроенного в зеркалах. В них отражался уже и не он, не его внешность, а его неповторимый дух.

Луиджи Грити застал Ибрагима у зеркал. Как бы в угоду Ибрагиму, купец оделся османцем. Богатый халат из золотистой парчи, расшитые золотом зеленые шаровары, белоснежный шелковый тюрбан, под широченными смоляными бровями поблескивают выпуклые глаза. Искривленный, как у султана Мехмеда-Фатиха, нос, густые пышные усы, чернющая борода. Вылитый паша! Они долго смеялись, рассматривая друг друга. Обнялись и расцеловались в надушенные усы. Даже духи каждый подобрал соответственно костюму: у Луиджи восточные, у Ибрагима итальянские, чуточку женственные, чуть ли не от самой Екатерины Сфорца, к советам которой прислушивались все самые вельможные лица Евро-

пы.

– В носилках или на конях? – спросил Ибрагим.

– Только верхом! – захохотал Грити, показывая на кривую саблю в драгоценных ножнах, на парчовой перевязи.

Их сопровождало с десятков бостанджиев, готовых на все. Свиту не удивил Ибрагимов вид. Видывали и не такое. Головами отвечали за его целость и неприкосновенность перед самим султаном – вот и все, остальное их не касалось. Грити об охране, казалось, не заботился вовсе. Его охраняли деньги. Мог купить пол-Стамбула. Еще неизвестно, где больше сокровищ, в замке Семи башен или у него.

– Мы забыли взять евнухов, – спохватился Грити.

Ибрагим нервно передернул плечами.

– Зачем? Я не считаю, что такое зрелище украшает настоящего мужчину.

– Не украшает, но служит первым признаком мужчины. Иначе каждому правоверному пришлось бы возить за собой целый гарем. Слишком хлопотно, не так ли?

– Небольшой гарем лучше самых пышных евнухов. Я бы согласился возить даже гарем, только не этих обрубков человечества. Но мой гарем из одних рабынь. Это напоминало бы мне всякий раз о моем собственном положении.

– Не считаете ли вы, мой дорогой, что пора уже вам изменить свое положение хотя бы в гареме? – прищурился Луиджи.

– Я еще слишком мало живу в Стамбуле. Все, кого знал,

остались в Маниси.

– Зато вас знает весь Стамбул.

Ибрагим засмеялся.

– Согласитесь, дорогой Луиджи, что я не могу взять себе в кадуны¹¹ сразу всех красавиц Стамбула! Рабынь – сколько угодно, законных жен только четыре! Так повелел пророк.

– Не надо всех. Начинать нужно всегда с одной. У моего друга Скендер-челебии юная дочь.

– Скендер-челебия? Главный дефтердар?¹² Он мог бы породниться с рабом?

– Не вспоминайте лишний раз того, что для вас уже, собственно, и не существует. Что же касается Скендер-челебии, то он хотел бы угодить новому султану так же, как умел угождать его покойному отцу. Одного слова султана Сулеймана достаточно, чтобы Кисайя стала вашей кадуней. А она истинный цветок из садов Аллаха.

– Как можно судить о красоте, не увидев ее собственными глазами?

– А разве вас не убеждает имущественное положение Скендер-челебии?

– До сих пор я старался наполнять не карманы, а голову и сердце.

– То, что не существует, не может быть наполненным.

– Что вы имеете в виду?

¹¹ *Кадуна* – жена.

¹² *Дефтердар* – собиратель податей.

– Человек даже самый мудрый может умереть от голода, когда у него ветер в карманах! – прокричал Грити так громко, будто бросал эти слова голодранцам, что вертелись в узких улочках, чуть не подлезая под ноги коням. – Я лично отдаю предпочтение наполнению всего без исключения. Может, дефтердару как раз и не хватает вашей головы.

– До сих пор он обходился собственной головой, и не без успеха.

– Есть предел, перед которым бессильны даже такие умы, как Скендер-челебия. Торговля напоминает стамбульский Бедестан – тебе кажется, будто ты схватил ее всю, а между тем ты как рыбак, чем больше ловит он рыбы в море, тем больше видит непойманной. Одни впадают в отчаянье от такого открытия, другие ищут способы поймать еще больше. Может, Скендер-челебии не хватает именно вашего ума и вашего влияния, так же, как вам не хватает свободной жены для гарема.

– Я ничего не говорил о гареме. Не интересовался этим никогда. Если хотите, то о моем гареме, хоть говорить об этом смешно и не полагалось бы, заботился Сулейман.

– Пусть позаботится еще. Тому, кто проводит с султаном иногда и ночи голова к голове, в бессонных беседах, нетрудно выпросить такой пустяк. Одно слово султана – и Скендер-челебия сам приведет свою прекрасную Кисайю на Ат-Мейдан...

Ибрагим молча улыбался под тонкими своими усами. Эти

два волка, Луиджи Грити и Скендер-челебия, видимо, уже не в состоянии проглотить добычу, которую хватают по всей империи, им нужен еще и третий. Выбрали его. От него не потребуются никаких усилий. Все они сделают сами. А Сулейманово слово он выпросит легко. Только намекнет – и султан сам станет умолять его, чтобы он взял в жены дочь дефтердара.

– Я пришлю вам редкостное зеркало персидской работы, – сказал Ибрагим.

– А у меня для вас есть еще более редкостная золотая монета, чеканки знаменитейшего итальянского мастера, – ответил тем же Луиджи. Точно купцы, которые на предложение – иджабу – и согласие – кабуля – заключают договор – акд, они соглашались действовать сообща в деле весьма важном, хоть и зародилось оно, как могло показаться, из случайного и несущественного разговора.

Подъезжали к Бедестану – главному стамбульскому базару, такому же старому, как и этот город, уничтожаемому и возрождаемому, как и этот город и как Царьград, неистребимому, вечному, бессмертному. За узенькими улочками, за кучами мусора, потоками нечистот, харчевнями, где дым, смрад, зловоние, брань, насыщение и опорожнение; за шумом и теснотой, солнцем и ветром – целый город, скрытый от мира, под высокими каменными сводами, с сотнями улочек и переходов, со своими площадями, фонтанами, ручьями, даже с собственной мечетью. Тут никогда не подует ве-

тер и не шевельнется воздух, разве что от людских голосов, бряцанья сбруи, рева ослов и рыка диких зверей, которых продают так же, как и живых людей да мертвые товары.

Гул стоит, будто ты внутри исполинской морской раковины, звукам некуда вырваться, они живут здесь вечно, вне времени, для них, как и для всего Бедестана, нет ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, ни росы, ни зноя, ни зимы, ни лета, только блеск, чары, сон, грезы, запахи мускуса от кож козлиных, бараньих, воловьих, сладковатый дух ковров, пьянящие ароматы цинамона, ладана, перца, гвоздики, имбиря, смолы, муската, сандалового дерева, серы, амбры.

Главный проход, по которому можно ехать верхом и даже конными упряжками, куда заходят целые верблюжьи караваны, – с высоким синим звездным сводом. В полутьме боковые лавчонки, набитые товарами, лежащими там, может, и тысячу лет. Снопы света падают сверху сквозь узкие оконца. Тут возвышаются горы лиловых и черных фигов, висят бараньи туши, разрубленные на четыре части, головки брынзы, посыпанной черными зернышками, твердая, точно кость, продымленная бастурма¹³, тут же арабский клей в «слезах», мастика, желатин, басма, хна, ароматические мази для бровей, гашиш, опиум, краски для шерсти, восточные драгоценности; неподвижно сидят толстые купцы в высоких чалмах перед лавками с серебряными, медными и золотыми изделиями, ремесленники кроят и шьют одежду, изготавливают мешки, плетут корзины, едят кебаб и сладости, варят плов и шурпу, режут баранов, жарят мясо (Бедестан съедает за день одних только верблюдов до полутысячи, а баранов без счета), жуют, чавкают, отрыгивают, опорожняются, молятся, кричат и плачут, проклинаят и клянутся, старые армяне поют тысячелетние дивные песни, торговцы оружием, поджав ноги, сидят на звериных шкурах, пьют шербеты, поглаживают бороды, бормочут стихи из Корана, а вокруг них кучи ятаганов, ружей, пистолей, дамасские сабли, курдские кинжалы,

¹³ *Бастурма* – шашлык из говядины.

трости и палицы из железного кавказского дерева, барабаны; еще дальше – золотые цепочки, мониста, жемчуга, перстни, рубины, изумруды, бриллианты, вороха бирюзы, конская сбруя, четки, курильницы, светильники, сандалии из раскрашенного дерева – женщины надевают их, отправляясь в хамам¹⁴, коробки из черепах, из черного дерева, инкрустированные перламутром, старые зеркала, подставки для Корана, солома, сено, дрова, ячмень, ткани – все смешано, перемешано, свалено и навалено без толку, без нужды, без видимого смысла, будто издевка над окружающим миром, где испокон века три силы пытаются придать всему существующему хоть какой-то порядок: природа, человек, боги, чтобы впоследствии, очутившись перед хаосом Бедестана, убедиться в бесплодности всех своих попыток. Над стихией Бедестана не властна никакая сила, кроме разве что стихии еще большей. И такой стихией в Царьграде всегда был пожар. Бедестан горел при императорах, горел при султанах, начиная от первого из них – Мехмеда Фатиха. Владычество каждого султана ознаменовывалось не только завоеванными землями, янычарскими бунтами, сооружением новых мечетей, тюрбе и медресе на площадях и возвышенностях Стамбула, но и диким возгласом, от которого содрогалась вся столица, который мог прозвучать днем и ночью, и в самый большой праздник, и во время страшнейшей эпидемии, в летний зной и в ненастный зимний день: «Янгуйн вар Бедестан!» – «По-

¹⁴ *Хамам* – баня.

жар на Бедестане!»

И тогда в этом замкнутом, загадочном мире начинался ад. К огню невозможно было подступиться, он господствовал безраздельно под вечными сводами базара, все, что там было живого, гибло бесследно и безымянно. Горело все, что могло сгореть, плавилась металлы, трескались камни, высыхали фонтаны, черное пламя било из Бедестана, как из пекла, выжигая все дотла и в близлежащих улочках, потому эти улочки всегда оставались самыми убогими, самыми грязными и самыми заброшенными при всех султанах.

Сулейман еще не пережил своего пожара на Бедестане. Слишком мало он пока владычествовал. Ибрагим и Грити без страха погрузились в глубины Бедестана, проникли в отдаленнейшие его дебри, миновав горы товаров, людскую толчею, рев животных, сияние драгоценных камней, груды отбросов, добрались до майдана, на котором стоял золотой дым от мощных ударов солнца сквозь наклонные окна в высоких серо-черных сводах. Широкие лучи ударялись о каменные плиты площади, курились золотым дымом, отчего казалось, будто все тут плывет, движется, взлетает в пространстве, повисает над древними плитами, над большим беломраморным фонтаном посреди площади, над деревянными помостами, то голыми, вытоптаннными, то устланными старыми яркими коврами, в зависимости от того, кому принадлежали помосты и какой ценности товар предлагался на них и возле них.

Товаром на самой освещенной в Бедестане площади были люди. Рабы. Приведенные из военных походов, захваченные корсарами, пойманные, как дикие звери, похищенные, купленные, проданные и перепроданные. Юноши редкостных дарований и кастрированные мальчики, девушки и женщины для черной работы, красавицы на утеху сыновьям ислама, гаремная плоть, дивные творения природы, с телами прекрасными и чистыми, коих не отважился еще коснуться даже солнечный луч.

Рабов выводили поодиночке, а то и целыми вереницами из боковых темных переходов, товар подороже показывали на помостах, подешевле продавался целыми толпами внизу, продавцы – байи – выкрикивали цену, нахваливали своих рабов, их силу, молодость, неиспорченность, красоту, ученость, умелость. Поблизости в Бедестане на таких же торговых площадях, с такими же шумом и гамом, толчеей и кутерьмой продавали коней, птицу, ослов, овец, коз, собак, не продавали только кошек, поскольку кошка была любимым животным пророка. Кошки, выгибая спины, терлись о ноги купцов, мурлыкали и блаженствовали, не ведая, что эти люди продавали и покупали людей, как тварей бессловесных, всякий раз ссылаясь на Аллаха и его пророка, повелевшего всем правоверным: «Ешьте же то, что вы взяли в добычу дозволенным, благим...»

Коран запрещал женщине обнажаться перед мужчинами. А здесь женщины были нагие. Ибо они были рабынями на

продажу. Одни стояли с видом покорных животных, другие, те, что не смирились с судьбой, – с печатью ярости на лицах; одни плакали, другие сухими глазами остро кололи своих мучителей, была бы сила, убивали бы взглядами.

– В Манисе у вас не было бы такого выбора, – сказал Грити Ибрагиму, когда они приблизились к площади рабов.

– Я не могу без содрогания смотреть на эту торговлю, – нервно подергиваясь лицом, промолвил Ибрагим. – Всегда буду помнить, как продавал меня Джафер-бег, как держали меня голого на таком вот помосте... Теперь я принял ислам и как-то могу оправдать людей моей веры. Им суждено воевать со всем светом, и поэтому невольно пришлось стать жестокими даже в вере и обычаях. Но вы, христиане, разве ваш бог позволяет рабство?

– У бога точно определены только запреты, – хмыкнул Луиджи, дозволенное же всегда неопределенно. Человеку приходится самому определять, как самую сущность дозволенного, так и его меру.

Передав поводья слугам, они соскочили с коней и смешались с толпой богатых муштери – покупателей живого товара, шли не торопясь, наблюдая за тем, что творилось на площади, пожалуй единственные здесь, кто мог поглядеть на происходящее глазом непредвзятым, незаинтересованным, почти равнодушным. Словно они приехали сюда для развлечения, не имея намерения покупать, а лишь присмотреться поближе к позорному торгу и порассуждать с высот своей

независимости.

– Не забывайте, – напомнил Ибрагиму Грити, – что я наполовину тоже мусульманин и, когда мне надо, охотно повторяю слова Магомета: «...бейте их по шеям, бейте их по всем пальцам!»

– Но ведь вы учились в лучших университетах Европы, воспитывались на книгах величайших мудрецов Греции и Рима, в которых говорится о человеческой свободе и достоинстве.

– Не забывайте, что я купец, – засмеялся Грити. – Когда мы с вами, попивая кандийское вино, обсуждаем диалог Платона «Республика» или «Банкет», я не выступаю перед вами как носитель высоких человеческих помыслов, когда же я оказываюсь на Бедестане, я вынужден вспоминать и то, что даже у любимого вами Аристотеля в его «Вратах», в авабе восемнадцатом, приводятся советы, как нужно покупать рабов и рабынь. Философ советует непременно осматривать рабов против солнца или в местах хорошо освещенных, и осматривать не только их видимые члены, но и все тело и все потайные части тела.

– Я знаю об этом.

– Так если даже Аристотель не стыдился этого, почему же мы с вами должны стыдиться? Не лучше ли довериться во всем Аллаху? Сказано же: «...Аллах мощен над всякой вещью!»

– Вы знаете Коран, как истинный хафиз¹⁵, – похвалил его Ибрагим.

– Мне по нраву восьмая сура, которая называется «Добыча». Согласитесь, что такое слово для купеческого сердца самое милое. Купец не повелитель, посылающий своих воинов на завоевание земель, людей и богатств, но он может посылать деньги, часто превосходящие своею силой оружие и самое жестокое насилие. К примеру, тут должен быть мой уртак¹⁶ Синам-ага, коему я заказал привезти мне партию полонянок из славянских земель. Я даже поставил условие: товар должен быть отборным и, как говорится, небудничным, особым.

– Вы что, заплатили этому Синам-аге? – даже остановился от удивления Ибрагим.

– Я дал ему задаток. Иначе говоря, послал свои деньги за море за добычей.

– Это противоречит праву шариата. Ислам разрешает воевать с неверными, захватывать добычу, иметь рабов, но купцы наши строго ограничены законами шариата. Если хотите, мусульманские купцы благодаря шариату самые порядочные во всем мире. Чтобы вещь могла быть проданной, она должна быть дозволенной, ею надо завладеть. Только тогда она становится «мутеваким», то есть разрешается для продажи

¹⁵ *Хафиз* – человек, знающий наизусть Коран, а также народный певец и сказитель у мусульман.

¹⁶ *Уртак* – купец.

на рынке.

— Но ведь богатые люди могут заказывать рыбу рыбакам или дичь охотникам, — напомнил Грити.

— Такой обычай существует, но он противоречит правилам. Ни рыбак, ни охотник не могут дать заверения, что они поймают именно то, что вам хочется, ибо это от них не зависит.

— Ловить рыбу или дичь занятие действительно неопределенное, поддерживая Ибрагима под руку, нагнулся к нему Грити, — но ведь с людьми дело намного проще. Я плачу Синам-аге, Синам-ага находит своего знакомого крымского бея, платит ему и просит привезти из королевской или из московской земли таких-то и такихто рабов или рабынь. Вот и все. Тут мог бы удовлетвориться даже ваш строгий шариат. Селям! — крикнул он внезапно старому турку, сидевшему на ковре, бессильно склонив голову под тяжелым тюрбаном, — случайный наблюдатель этого несправедливого торга, как и Грити с Ибрагимом. Но так могло показаться лишь глазу неискушенному. Ибо старик, будто бы подремывая, на самом деле пристально приглядывался ко всему, что происходило вокруг, его ухо ловило каждое слово, его прикрытые тяжелыми увядшими веками глаза выхватывали из водоворота человеческого все нужное их хозяину. Грити он заметил давно и только сделал вид, будто приветствие купца вырвало его из дремоты. Луиджи, пожалуй, и не заметил хитрости старика, от Ибрагима же ничего не укрылось, глаз у него был наметан,

особенно на людское коварство.

– Синам-ага? – спросил он негромко у Луиджи.

– Да будет твоим убежищем рай, – не давая Грити времени на ответ, мигом проговорил старик.

– Тебя давно не было на Бедестане, почтенный Синам-ага, полувопросительно-полуосуждающе заметил Грити.

– Разве бы осмелился я, никчемный раб, занести ногу на ковер торговли в час скорби по случаю смерти великого султана Селима, да наслаждается душа его в садах Аллаха, и пока пройдет положенное время после начала царствования великого султана Сулеймана, которому да воздастся нижайшее поклонение... – заскулил Синам-ага.

– Есть товар для меня? – прерывая его болтовню, почти сурово спросил Грити.

Синам-ага хлопнул в ладоши, и черный евнух, вертевший-ся поблизости, пулей бросился куда-то в сторону, чтобы через минуту выступить вместе с несколькими такими же безбородыми во главе вереницы скованных за шеи красивых чернооких девушек, одетых, несмотря на осеннюю стужу, довольно скупно.

– Да ты смеешься? – воскликнул рассерженно Грити. – Смеешь предлагать мне то, чего касалось железо?

– «Мы поместили на шее у них оковы до подбородка, и они вынуждены поднять головы». Я, недостойный, хотел показать что-то для твоего друга эфенди, – пробормотал испуганно Синам-ага.

– Если бы ты знал, кто мой друг, под тобой задрожала бы земля, – довольно произнес Грити. – Есть что путное – показывай, а не вызванивай железом. Разве так звенит мое золото?

Синам-ага, кряхтя, поднялся с ковра, подобрал полы своего халата, кланяясь теперь уже не так Грити, как Ибрагиму, повел их в боковые переходы, в темноту и плесень.

– Старый мошенник! – бормотал брезгливо Грити, спотыкаясь в темноте, попадая в зловонные лужи своими тонкими сафьяновыми сапожками, с возмущением вдыхая запах пле-

сени на стенах.

Из тьмы навстречу им выступили две какие-то фигуры, еще чернее самой тьмы, узнали Синам-агу, исчезли, а впереди заморгало несколько огоньков.

– Валлахи, я выполнял твое повеление с покорной головой, бей эфенди¹⁷, – крихтел Синам-ага.

– Ты нарочно завел нас в такую темень, где не увидишь даже кончика своего носа, старый пройдоха, – выругался Грити.

– О достойный, – всплеснул руками Синам-ага, – то, что уже продано и зовется «сахих», принадлежит тому, кто купил, и зовется «мюльк», и никто без согласия хозяина не смеет взглянуть на его собственность. Так говорит право шарията. Так мог ли я не спрятать то, что надо было скрыть от всех глаз, чтобы соловей не утратил разума от свежести этого редкого цветка северных степей? Он вырос там, где царит жестокая зима и над замерзшими реками веют ледяные ветры. Там люди прячут свое тело в мягкие меха, оно у них такое же мягкое...

Они уже были около светильников, но не видели ничего.

– Где же твой цветок? – сгорал от нетерпения Грити.

– Он перед тобой, о достойный.

Ибрагим, у которого глаза были зорче, уже увидел девушку. Она сидела по ту сторону двух светильников, кажется, под нею тоже был коврик, а может, толстая циновка;

¹⁷ *Бей эфенди* – глубокоуважаемый господин.

вся закутана в черное, с черным покрывалом на голове и с непрозрачным чарчафом¹⁸ на лице, девушка воспринималась как часть этого темного, затхлого пространства, точно какая-то странная окаменелость, призракный темный предмет без тепла, без движения, без малейшего признака жизни.

Синам-ага шагнул к темной фигуре и сорвал покрывало. Буйно потекло из-под черного шелка слепящее золото, ударило таким неистовым сиянием, что даже опытный Луиджи, которого трудно было чем-либо удивить, охнул и отступил от девушки, зато Ибрагима непостижимая сила как бы кинула к тем дивным волосам, он даже нагнулся над девушкой, уловил тонкий аромат, струившийся от нее (заботы опытного Синам-аги), ему передалась тревога чужестранки, ее подавленность и – странно, но это действительно так – ее ненависть и к нему, и к Грити, и к Синам-аге, и ко всему вокруг здесь, в затхлом мраке Бедестана и за его стенами, во всем Стамбуле.

– Как тебя зовут? – спросил он по-гречески, забыв, что девушка не может знать его язык.

– У нее греческое имя, эфенди, – мигом кинулся к нему Синам-ага. Анастасия.

– Но ведь в ней нет ничего, что привлекало бы взгляды, разочарованно произнес Грити, уняв свое первое волнение. – Ты, старый обманщик, даже ступая одной ногой в ад, не откажешься от гнусной привычки околпачивать своих за-

¹⁸ *Чарчаф* – покрывало для лица.

казчиков.

– О достойный, – снова заскулил Синам-ага, – не надо смотреть на лицо этой гяурки, ибо что в том лице? Когда она разденется, то покажется тебе, что совсем не имеет лица из-за красоты того, что скрыто одеждой.

– Так показывай то, что скрыто у этой дочери диких роксоланов! Ты ведь роксолана? – обратился он уже к девушке и протянул руку, чтобы взять ее за подбородок.

Девушка вскочила на ноги, отшатнулась от Грити, но не испугалась его, не вскрикнула от неожиданности, а засмеялась. Может, смешон был ей этот глазастый турок с толстыми усами и густой бородой?

– Не надо ее раздевать, – неожиданно сказал Ибрагим.

– Но ведь мы должны посмотреть на эту роксоланку, чтобы знать ее истинную цену! – пробормотал Луиджи. Он схватил один из светильников и поднес его к лицу пленницы.

– Не надо. Я куплю ее и так. Я хочу ее купить. Сколько за нее? Незаметно для себя он заговорил по-итальянски, и то ли эта странная девчушка поняла, о чем речь, то ли хотела выказать свое возмущение нахальным присвечиванием, к которому прибегнул Грити, она громко, с вызовом засмеялась прямо в лицо Луиджи и звонким, глубоким голосом бросила ему фразу на языке, показавшемся Ибрагиму знакомым, но непонятным.

– Что она говорит? – спросил он у Грити.

– Квод тиби, мулиер? – не отвечая обратился Луиджи к

девчушке на том же языке, отводя руку со светильником и приглядываясь к ней теперь не только с любопытством, но и с удивлением.

Но девчушка, выпалив свою странную фразу, снова засмеялась и уже не говорила ничего больше, с некоторым даже пренебрежением сморщила свой хорошенький носик и заслонилась белой рукой от светильника, который Грити вновь приблизил на расстояние слишком неприятное.

– Вообразите себе, она говорит по-латыни! – воскликнул Грити, обращаясь у Ибрагиму.

– Что же тут странного? Она, наверное, училась у себя дома. Мы ничего не знаем о ней. Может, она из богатой семьи.

– Вы не знаете, что именно она сказала!

– Что же именно?

– Это один из канонических вопросов католических священников, исповедующих женщин. Довольно грубый и непристойный для столь нежных уст.

– А в устах ваших священников он не кажется вам слишком непристойным?

– Они исполняют свой долг. И они грубые мужчины. А это нежное создание. Ты, вонючий барышник, – крикнул он Синамаге, – что за товар нам подсовываешь? Где купил эту беспутницу? Из-под какого просмердевшего развратника ее вытащил?

– Валлахи! – приложил руку к груди Синам-ага. – Эта девушка чиста, как утренний цветок, искупанный в росе. Она

так же нетронута, как...

– Я покупаю ее, – прервал его разглагольствования Ибрагим. – Бей эфенди верит старому Синам-аге?

– Я покупаю эту девушку, – повторил Ибрагим уже с нетерпением. Сколько за нее?

– Пятьсот дукатов, бей эфенди, – быстренько проговорил Синам-ага.

– Даю тысячу, – небрежно кинул Ибрагим.

– Бей эфенди хочет назвать двойную цену? Но это надлежит делать мне. Купец должен называть двойную цену, чтобы дойти до истинной не торопясь, поторговавшись всласть и вволю, иначе как можно сберечь себя для служения делу, на котором держится мир?

– В самом деле, – вмешался несколько удивленный таким ходом их приключения Грити, – она обошлась мне, как свидетельствует Синам-ага, всего лишь в пятьсот дукатов. Ясное дело, старый негодник обманывает нас, как он это всегда делает, – ведь за такие деньги можно купить трех черкешенок из княжеского рода, но пусть уж будет так.

– Я хочу, чтобы Синам-ага заработал, поэтому даю тысячу. – Ибрагим заслонил собой девушку от Грити и турка, шагнул к ней, она засмеялась ему еще более дерзко и с еще большим вызовом, чем перед тем Луиджи. Смеялась ему в лицо неудержимо, отчаянно, безнадежно, стряхивала на него волны своих буйных волос, полыхавших золотом неведомо и каким, райским или адским, не отступала, не боялась, вы-

прямилась, невысокая, стройная, откинула голову на длинной нежной шее, рассыпала меж холодных каменных стен Бедестана звонкое серебро прекрасного голоса: «Ха-ха-ха!»

Ибрагим вздрогнул от мрачного предчувствия, но поборол это движение души, заставил себя улыбнуться в ответ на смех загадочной чужестранки, которая не плакала, как все рабыни, не стонала, не ломала в отчаянье рук, а смеялась, точно издеваясь не только над ним, но и над всем этим жестоким миром, стремившимся покорить ее, сломать, уничтожить. Ибрагим заговорил с ней на ломаном языке – смеси из славянских слов, выученных от султана Сулеймана, хочет ли она к нему, именно к нему, а не к кому-либо другому. Девушка умолкла на мгновение. Словно бы даже посмотрела на Ибрагима пристальнее. Хотела ли бы? Еще может кто-то спрашивать в этой земле, хотела ли бы она? Ха-ха-ха!

Ибрагим сухо приказал Синам-аге привести рабыню к нему на Ат-Мейдан, повторил, что заплатит за нее тысячу дукатов, предупредил, чтобы сегодня же к вечеру она была в его доме и чтобы ей не было причинено ни малейшего вреда. Потом поблагодарил Грити.

– Я никогда не забуду этой вашей услуги.

– Могу только позавидовать вашему утонченному вкусу!

воскликнул венецианец. – Эта Роксолана, как я ее называю, пожалуй, действительно нечто такое... – он покрутил пальцами у себя перед глазами. – Как опытный купец, могу

сказать вам, что товар приобретает ценность также от цены, какая за него уплачена.

Ибрагим молчал. Быстро выбирался из темного перехода. Чувствовал себя таким же опозоренным, как тогда, когда его, маленького мальчика, продавали на рабском торге в Измире. Правда, теперь покупал он, но разве не все равно? Есть рабы, которые покупают, и рабы, которых покупают. Но все равно рабы. И спасения нет никакого. Он пытался спастись нарядами, роскошью, которой окружал себя благодаря щедрости Сулеймана, считал, что этим облегчает себе жизнь, упорно уговаривал себя, что жизнь, в конце концов, и не может быть тяжелой, раз она называется жизнь. А зачем? Пусть тот старый мошенник Синам-ага обманывает людей, ибо таково его призвание на этой земле, пусть покупает и продает все на свете Луиджи Грити, поскольку он купец, но зачем же тогда убеждать себя в том, во что никогда не поверишь?

Продажа рабыни

Рогатин

Дождем, как слезами, заливало весь видимый и невидимый мир, и душа ее вся плавала в слезах. Она шла, бездомная сирота, несчастная пленница, проданная и проклятая, под чужим небом, прочищенным ветрами, безжалостным и бледным, как холодные глаза стрелков-лучников. Здесь не было дождя, он лил, как слезы, в ее душе да еще там, куда не было возврата, в таком далеком, что сердце вырывалось от отчаянья из груди, недостижимом, навеки утраченном Рогатине.

Что-то темное, большое и страшное – зверь поднебесный, призрак налетело на нее, надвинулось, и голос дождя звучал в ее сердце как невозместимая горькая утрата. Ничего и никогда в жизни не увидишь лучше и милее, не переживешь уже того, что пережила когда-то.

Призраки были здесь, а позади все только настоящее – лишь протяни руку, а тут обман, ненастоящность падали под ноги, летали в воздухе, выступали из стен, толпились в промерзевших нечистотах улочках, сновали неслышно, как клубки шерсти, а то вдруг прорывались диким мяуканьем – то ли кошачьим, то ли дьявольским. Но дьяволами должны были быть люди, а мяукали кошки, тысячи кошек повсюду, кошек, кошечек, изнеженных и избалованных, безнаказанных и неприкосновенных, ибо кошка была любимым живот-

ным их пророка.

А может, это неизбежная кара за то, что осталось там, за морем, за степью, за реками и лесами? Может, и не за ее собственные грехи – она еще не успела их нажить, – а за грехи давно умерших, несчастных, проклятых, заблудших? Нелепость, нелепость! Неужели и теперь должна пугать сама себя, как делал это ее татусь в Рогатине? Батюшка Лисовский в пьяном бреду запугивал грехами и грозил карами всем без исключения, он цеплял грехи ко всему сущему, даже к деревьям и камням, не признавая их лишь за самим собой, ибо не мог отличать в своих поступках грешного от праведного, обреченный на постоянное опьянение если не от молитв в церкви Святого духа, то от пива и горилки рогатинских пивоваров Квасницы, Якубовича и Роздольского.

В ее крови были неистовость отца и легкий нрав матери. Гнездилось это у нее в душе в таком беспорядке, что даже строгий учитель Иероним Скарбский, к которому посылал ее Гаврило Лисовский в ожидании чудес от своей единственной дочери, не смог навести в той душе хоть какой-то порядок, а, наоборот, еще больше взбудоражил все то, что до времени было приглушено, жило только в зародыше, еще и не проклевываясь к жизни. Жертва темных сил, безвременная мученица (как будто для мук человеку непременно должно быть определено какое-то время!), лишенная свободы, которую если еще и сберегла, то разве что глубоко в сердце и в своей неукротимости. Щедро одаренная волей к жизни, она

не имела теперь даже такой свободы, какой обладала всякая паршивая кошка на улицах Стамбула.

Пережила утрату матери, которую четыре года назад взяла в плен орда так же, как теперь ее самое, бесследно исчез несчастный отец в пылающем Рогатине, пережила собственную смерть или какое-то подобие смерти, чтобы теперь воскреснуть, как на старенькой иконе в отцовской церкви Святого Духа, но не в таинственном сиянии святости, не для поклонений вопящей от восторга, одуревшей от чуда толпы, а для прозябания понурого, почти животного. Единственное, что она могла, — это возвращаться без конца памятью в родной Рогатин, к крутым тропкам со щекочущим спорышом по сторонам, к густому малиннику за раскидистой грушей, которая зимой грустно чернела среди снегов, а летом накрывала зеленым шатром чуть ли не всю усадьбу Лисовских. И дом свой видела с крутых улиц Стамбула так явно, словно стояла перед ним, дом из толстых сосновых бревен, просторный, с окнами на высокий ольшаник, за которым внизу бежит Львовская дорога, упираясь возле вала под горой в Львовские ворота со старым перекидным мостом через ров, а во рву буйство лопухов, лягушки блаженствуют в вечных дождевых лужах, змей и ужей скапливается такое множество, что вот-вот поползут они на Рогатин. Отец Гаврило Лисовский, коему не раз приходилось ночевать во рву и которого змеи не трогали, словно считая своим, предрекал для Рогатина кару иную, столь же тяжелую, как для библей-

ских Содома и Гоморры, потому что после этих двух третьим городом, который Бог хотел убрать с лица земли, был именно Рогатин, спасенный случайно, но от кары не избавленный. Как ни пугал своих прихожан пьяненький попик, приношений и жертвований на церковь было слишком мало, чтобы держаться батюшке Лисовскому среди первых граждан Рогатина, а потому на усадьбе вечно хрюкали огромные свиньи, хищные, как лесные вепри, прожорливые, чавкающие, визгливые. Мама Александра с утра до ночи пекла ячменные коржи, ломала их еще горячими, замешивала в деревянных бадьях пойло, носила, надрываясь, в свинарник тем ненасытным тварям, они мгновенно пожирали принесенное, грызли бадьи, прогрызали доски загородок, выставляли хищные рыла, высовывали длинные тонкие розовые языки, заходились в неистовом визге. Ада, которым отец пугал всех вокруг, Настася не боялась еще с тех пор, как только стала понимать слова взрослых людей, — видела тот ад ежедневно, жила в нем вместе с несчастной своей матерью.

Свиней Лисовский продавал на знаменитой Рогатинской ярмарке, куда сгоняли тысячи голов скота, овец, свиней, коз, а покупать съезжался люд из Галича, Львова, Сандомира, из самой Литвы и чуть ли не из Киева. Батюшку Лисовского в шутку называл тот ярмарочный люд «отцом свинопастенным». Но разве мог он бояться каких-то там слов, если сам умел пугать людей словами торжественными, загадочными, темными! Задира бородку, раздувал ноздри, грозился су-

хоньким пальчиком, похожим на кривую веточку: «Но сомненно паче же реши, не зная сущаго положеннаго разума». Мама Настаси не очень и тяготилась своим каторжным трудом. Тоненькая и маленькая, вытаскивала из печи черные казаны, месила колючие ячневика, обваривала по локти руки в кипятке, и все это со смехом, в непостижимой радости, с припевками то веселыми, то грустными, например: «Ой, кувала зозуленька, тепер не чувати: ой, де я ся не родила, мушу привикати...» А отец Лисовский все грозился неминуемостью кары для Рогатина и рогатинцев, хотя его маленькая Александра и не была местной, а родилась за Прутом, в селе Княж-Двор, где росли неведомые рогатинцам тысячетные тисы, деревья вечные и оттого словно бы какие-то угрюмые и нечеловеческие в своей мощи и красоте. А все дети якобы рождались там от заезжих князей, которые, охотясь в окрестных пущах, влюблялись в княжеских девчат и оставляли по себе сладкие воспоминания той кратковременной любви. Князей уже давно не было, а воспоминания оставались, и Александра, чтобы досадить своему безродному попику, называла себя княжной да еще дразнила его тем, что якобы и Настася не его дочь, поскольку за девять месяцев до ее рождения по зимней пороше наскочил на рогатинские леса с кавалькадой охотников сам король польский Зигмунт, и попалась тогда ему на глаза она, Александра княжеская, и понравилась она королю, и... «Королевна! – радостно восклицал панотец Лисовский, прижимая к себе малень-

кую дочку. — Моя доченька — королевна, прошу я вас! Она колыхалась у меня в серебряной колыбельке, а ездить будет в серебряном возке!» Серебряная колыбелька, по которой выбиты цветы и травы, существовала лишь в пьяном воображении Гаврилы Лисовского, старенькая же деревянная люлька, в которой когда-то перебирала ножками Настася, валялась среди хлама в темной кладовушке, но ведь намного веселее и легче жить с легендой, особенно в таком городе, как Рогатин, который и сам возник из легенды. Говаривали, якобы когда-то Галицкий князь Ярослав Осмомысл охотился тут в древних пущах с дружиной воинов своих и любовницей Насткой Чагровой, женщиной красивой и дико своенравной. Настка, погнавшись за каким-то зверем, заблудилась в лесу и, совсем уже потеряв надежду на спасение, вдруг заметила гигантского оленя-рогача, невиданной огненной масти. Олень тряхнул рогами, топнул ногой, словно приглашая за собой женщину, медленно побежал в чащу, лишь высокие рога обозначали его путь, и Настка погнала за ним своего коня. Так и вывел олень ее к стойбищу Ярославову, упала она, заплаканная и измученная, в объятия князя, а олень исчез, как дух святой. На том месте Ярослав велел заложить церковь Святого Духа, а впоследствии вокруг церкви возник город, названный Рогатином в честь того рогатого спасителя оленя. Может, и дочку свою Лисовский назвал Настасей в память о той далекой Настке, княжеской любовнице, хоть та Настка была счастливой только в легенде, а на самом деле

смерть приняла мученическую – на костре, в который бросили ее жестокие галицкие бояре.

Ох, какой безалаберный был отец Гаврило! Исступленно любил свою маленькую женушку и обрек ее на вечную ка-торгу с прожорливыми свиньями. Гордился дочкой, мечтал обучить ее высшим наукам, хотя сам едва умел прочитать наизусть две молитвы и не мог отличить псалтырь от требника, и готов был даже отказаться от отцовства в пользу едва ли не самого короля польского – только бы все знали, кто растет в доме батюшки Лисовского и в этом благословенном и проклятом Рогатине! Да и сам Рогатин, как и его беспутный сын Гаврило Лисовский, тоже стоял над столетиями своего происхождения и существования какой-то словно бы раздвоенный: с одной стороны – роскошная княжеская легенда о чудесном спасении заблудшей души, а с другой – почти содомская легенда о Чертовой горе, которая высится на восток от Рогатина, точно мрачный курган, насыпанный нечеловеческой силой на равнине. Потому что рогатинцы хоть и построили свой город вокруг церкви Святого Духа, но, видимо, помня о греховной связи князя Осмомысла с распутной Насткой, сами пустились в распутство столь тяжелое по тем давним временам, что Бог разгневался, призвал к себе черта и велел ему засыпать грешный город землей, чтобы и следа никакого не осталось. Черт набрал полную бесовскую свою торбу черной-пречерной земли и понес к Рогатину. Но то ли заблудился, то ли лень его одолела, но землю он ту не

донес до Рогатина – как раз в это время прокукарекал петух, нечистый испугался, бросил землю, где был, и исчез. На том месте выросла Чертова гора. И теперь каждую весну девица бегала туда рвать горлицы весенний, руту-мяту и синяк красный, и как упрямо ни перепыхивал тропинки Кузьма Смыкайло, поле которого было под Чертовой горой, их протаптывали вновь и вновь в тех же местах, где были они испокон века, и отчаявшийся Кузьма, проклиная всю бесовскую силу, каждую осень выставлял свою землю на продажу, но никто не хотел покупать – как ее купишь, если она под самой Чертовой горой!

Гаврило Лисовский был убежден, что Рогатина не минует предначертанная ему судьба. «Черт не донес ту гору – Бог донесет! – восклицал он на Рогатинском рынке. – Кара! Кара!»

У него были огненные волосы, пылали пламенем усы и борода, кожа на лице и на руках тоже была как бы красной, будто он только что выскочил из пекла. Настася унаследовала от своего отца огненные волосы, а от матери ослепительно-белую кожу, нежную и шелковистую не только на ощупь, но и на вид. Красота матери не передалась Настасе, но девочка этим не печалилась, уже знала, какая морока с той красотой у ее маленькой мамуси. Как ни изматывалась Александра с батюшкиными свиньями, а выходила в ярмарочные дни или в праздники на Рогатинский рынок, надев белый, разу-

крашенный вышивкой сардак¹⁹, обув красные сафьяновые сапожки, выложив на высокую – так и рвала сорочку – грудь несколько ниток кораллов, и мужские взгляды просто липли к ней, а кто понахальнее да посамоувереннее, тот откровенно заигрывал. Особенно надоедали писарь рогатинский Шосткевич, богатый сапожник, изготавливавший сафьяновые сапожки, Захариалович да еще голодранец шляхтич из Подвысокого Бжуховский, здоровенный, мосластый, с торчком поставленными усами, с толстенными руками, свисавшими из обтрепанных рукавов кунтуша²⁰, в рыжих от старости сапогах, слишком тесных для его огромных шишковатых ног. Лисовский бросился как-то защищать жену от настырного шляхтича, но тот пренебрежительно отстранил ничтожного попика своею ручищей, процедив сквозь зубы: «Ты, поп, не вертись у меня под ногами, не то растопчу!»

¹⁹ *Сардак* – верхнее теплое суконное платье галицких крестьян, расшитое шнуром.

²⁰ *Кунтуш* – верхняя одежда, мужская и женская.

Двор гарема дворца Топкапы

– Такой облик должен быть у дьявола, – показывая на Бжуховского, закричал отец Гаврило своей маленькой дочке. – Доподлинно такой, Настася! Знай и помни, дитя мое!

Если бы! Теперь убедилась, что дьяволы тысячелики. Часто и не знаешь, где они и какие. Бжуховский был слишком простецкий черт. Не умел ни скрыть своей драчливости, ни хотя бы приглушить ее. Потом прибыл от Сандомирского воеводы, старосты земель русских, шляхтич Бобовский с жолнерами и стал собирать в окрестных селах подати и недоим-

ки. Наскочили и на Бжуховского, у которого в Подвысоком был дом, а землю он давно пропил и жил то охотой, то грабежом, коему открыто предавался с еще двумя-тремя такими же забубенными головушками, как и он сам. Бобовский стал требовать от Бжуховского, чтобы он уплатил подать, а тот податей не платил никогда и никому. И это бы еще не беда, да шляхтич в запальчивости назвал Бжуховского Бруховским, то есть приравнял к обычному хлоп-русину. Этого уж простить Бжуховский не смог бы ни пану, ни Богу. На ночлег Бобовский остановился в господском доме на Подвысоком, а среди ночи туда ввалились какие-то трое. Слуга Бобовского сказал им, что здесь ночует сам пан шляхтич. Один из прибывших взял саблю и канчук Бобовского, вскочил в комнату, где тот спал, и стал бить сонного. «Вставай, сукин сын!» Вбежали еще двое, выволокли пана шляхтича в переднюю за волосы, били палками, его же собственным мушкетом, отливали водой, снова били. Бжуховский, который тоже прибыл на расправу, кричал из сеней: «Бейте хорошенько, только не грабьте! Пусть знает, какой ему хлоп Бжуховский!» Кто-то выстрелил Бобовскому в голову. Обмазали мертвому лицо его же собственным дерьмом, ничего из вещей не взяли. А слуге сказали: «Скажи – убили его за то, что с паном Бжуховским обошелся как с хлопом, а не как с шляхтичем. Чтобы все знали и помнили!»

– Мог бы и тебя, татусю, вот так же убить этот Бжуховский, – испуганно говорила Настася отцу, – за мамусю вот

так бы и убил!

– Меня Бог хранит! – выпячивал грудь батюшка. – Божья ласка нисходит на праведных, а всех грешников ждет геенна огненная! Бжуховского же первого!

Но, видимо, геенна огненная была приготовлена для всего Рогатина, потому что не проходило и трех-четырёх лет, как на город нападали черные силы, жгли, грабили, убивали, забирали в плен всех, кто не успевал укрыться в лесах возле Гнилой Липы и за Чертовой горой. Батюшка Лисовский, несмотря на постоянное пребывание под хмельком, всякий раз избегал со своими домашними погромов, скрывался в дальнем лесу у Гнилой Липы, куда убегали через Львовские ворота, потому что черные силы всегда врывались в город через ворота Бабинецкие или Галицкие. Мама Александра, как бы предостерегая дочку, напевала ей уже не веселые и беззаботные песенки, а песни такие же страшные, как набег чужеземцев на их несчастный город: «За синім морем, над новим двором, Настася сорочку шиє. Шиє, вишиває і на двір поглядає. Миколайчику, братику, що там так синіє? Ци ратаєньки орють, ой, ци волики пасуть?» – «Ой, Настасю, сестро, не ратаєньки ідуть і не волики пасуть, оно по тебе, Настасю, туроньки ідуть». – «Ой, Миколайку, братику, найми же ти кухароньку, а я сховаюся під дев'ятеро дверей, під десятій замок. Наїхали туроньки, стали Настасю шукати... Настасина хустонька, но не Настасина голівка; Настасині пацьори, но не Настасина шия; Настасина суконька, но не На-

стася сама; Настасині панчошки, но не Настасині ножки, Настасині черевички, но не Настасин хід. Стали двері ламати, Настасю добувати; дев'ятеро дверей зламали і Настасю достали...» И плакала мама, словно предчувствуя долю и свою, и своего дитятка.

Где-то в далеких краях жили страхи, мор падал на людей, сотрясалась земля. Сам султан турецкий Баязед, боясь землетрясения, вышел за каменные стены Царьграда, жил в шатре на поле, а в Царьграде рухнули три башни, разрушился дворец Константина Великого, сотрясало землю в Тракии, Боснии, Далмации и даже в близкой Валахии. Кара на людей, а за что?

Настася была еще совсем маленькой, когда напали на Рогатин валахи. Грабили и жгли, как татары и турки, вывезли из Рогатина все ценности, даже сам польский король разгневался и заставил волахского воеводу Стефана вернуть награбленное, и среди всего другого были возвращены все ценные книги, также и серебро из церкви Святого Духа; хотя отец Лисовский, не зная грамоты, не мог составить описи всего церковного имущества, но помнил все так, что с его слов была составлена бумага, по которой валахи и вернули украденное. А было там три чаши позолоченных, три белых, всего чаш восемь, а в них серебра шестнадцать гривен и пять и пол-лута²¹, а еще кресты, кадильницы, лампы, пожертвования – на сорок три гривны и тринадцать лутов серебра.

²¹ *Лут* – мера веса.

Кроме того, Евангелий в оправе три, служебников в оправе три, Псалтырь и Часослов, Триодь цветная, октоих да еще четыре книги, названий коих запомнить он не в силах, ибо великой мудрости книги. Надеялся, что дочка выучится грамоте, постигнет все известные и доступные в Рогатине науки и тогда прочитает те редкостные книги, которые собрались в его церкви за много веков.

У священника Ивана Теребушка училась Настася читать. Теребушкова наука обошлась Лисовскому в целую свинью. «Свинью целую положил на свою Настасю, прошу я вас!» – восклицал отец Гаврило. Он плакал, растроганный, глядя на свое теперь уже ученое дитя. «Малжонка моя верно-милая уродила мне со мною сплодженую дочку панну Настасю, первую в городе моем, которая во всем теле своем, тако в лице, яко и в знаках, которые у меня, притрафила и уродила». Но в пьяном хвастовстве, попирая собственное достоинство, упорно величал дочку королевной, а достаточно ли для «королевны» мизерной науки, почерпнутой у Теребушка? Еще бы набраться ей и добрых обычаев да наук высоких, а дать все это в Рогатине мог единственно викарий Иероним Скарбский. Когда же отец Гаврило сунулся к викарию, тот заломил цену уже не в одну свинью, а в целых шесть. «Шесть свинок за науку его латинскую! – потрясал маленькими кулачками отец Лисовский. – За язык славянский свинью одну, а за латину целых шесть? А язык же славянский правдой божьей основан, построен и огражден-есть, в латинском же

только лжа, поганская хитрость и фарисейство сидит, почи-
вает и обладает!» Но кто же еще в Рогатине мог похвалиться
тем, что положил на всю науку для своего дитятка одну, а по-
том целых шесть откормленных свиней? И мог ли уберечься
от искуса похваляться таким деянием на протяжении всей
своей жизни батюшка Гаврило Лисовский? Ведь и оправда-
ние было под рукой. Ибо разве же проживешь с одним Часо-
словом? Без латыни не поймешь ни судьи, ни стряпчего, ни
посла. И Настася стала ходить на усадьбу к викарию Скарб-
скому. Он ошеломил маленькую девочку огромностью сво-
их знаний, суровостью ума. Его небудничность поражала и
оглушала. Одевался, как никто в Рогатине, высокий, тонко-
шей, с грустными темными глазами, с тихим голосом, рав-
нодушный к мирским утехам, далекий от мелочей и суеты,
он поразил Настасю в самое сердце, и она влюбилась в него
не так, как доньше влюблялась в сопливых мальчишек, с ко-
торыми носилась босиком то на Чертову гору, то в отцову
церковь разглядывать причудливые древние иконы с боро-
датыми святыми.

Мордастая Урсуля, дочка городского слесаря Блазея Зеб-
риновича, узнав про Настасину влюбленность, безжалостно
высмеяла подругу:

- Да ведь тот Скарбский ни на что не способен!
- Как это? – возмутилась Настася.
- Еще и голомордый!
- Сама голомордая.

- А видишь, как он ходит? Разве мог бы он от татар убежать? – Зачем ему убегать? Он ни от кого не станет убегать!
- Так где же он будет?
- А тут и будет!
- Вот бы я поглядела!
- Поглядишь, если захочешь.

И словно бы накликали своими безрассудными разговорами тяжкую беду. Писал летописец про тот год: «Татар сорок тысяч с четырьмя царьками на Русь вторгнулись и положились недалеко Бузска кошем, а отряды по всем сторонам распустили, палячи, вяжучи, убиваючи, в неволю беручи, и больше нежели шестьдесят тысяч люда тогда забрали в неволю, кроме детей, а старых обезглавливали и на миль сорок волости вдоль и вширь огнем и мечом завоевавши, домой вернулись в целости».

Схватили татары и Настасину маму, сгинула она навеки, а викарий Скарбский сбежал прежде всех и быстрее всех – у него всегда пара коней была готова на такой случай и люди верные, сообщавшие, откуда налетает орда. Отец Лисовский выезжал из Рогатина в села крестить детей. Там и спасся. А Настасю с мамой налет застал на усадьбе. Мама только успела втолкнуть малышку в свинарник: «Дитяtko мое, спасайся!» А потом темный топот, гогот, свист стрел, свиньи метались, погибая, подплывая кровью, валились тяжело на девочку, и – темный топот, потемнело все, снова мамин крик, и снова топот, и едкий смрад конского пота, а она

задыхалась среди луж крови – своей собственной или убитых животных? Отец прибежал лишь ночью. Упал на колени. Плакал, и молился, и проклинал. Осталась без мамы, спасенная мамой. Тьма поселилась в Настасиной душе с того дня, и хоть смех со временем снова пробивался наружу, но был уже не такой беспечальный, беззаботный, как при маме, про влюбленность свою в сурового наставника и не вспоминала, да и какая там влюбленность в одиннадцать лет!

Тайком пробирались в костел святого Николая, когда ксендз Станислав Добровлянский исповедовал рогатинских мешанок. Урсуля, Янечка и Настася прижимали уши к деревянной решетке, прислушивались к бормотанию пана Станислава: «Фецисти квод кведам мулиерес фациере солент квандо либидинем се вексантем экстингере волюнт?..»²² Думалось ли, гадалось во время тех дерзких забав, что придется ошеломить этим грязным вопросом из католического пениitenciария чванливого Луиджи Грити на стамбульском Бедестане?

Разруха воцарилась в городе, страх и неуверенность, чуть ли не каждую ночь рогатинцы убегали в леса, хватая из имущества что придется. Мошко Шаев, хозяин каменного дома с подвалом на рынке, прятал от татар деньги под камнем, а Василь Чуйчишин видел и украл. Рассказала об этом Марунька Голод, жившая в халупе возле большака Галицкого. Однако

²² Поступала ли ты, как другие женщины, для удовлетворения своего вожделения?.. (лат.)

на суде Марунька отказалась от показаний, из-за чего Шаева заставили извиниться перед Василем Чуйчишиным такими словами: «Жаль мне, что я это содеял, такие слова с гневом сказал, когда о вас ничего плохого не знал. Прошу вас, во имя Бога, чтобы мне это простили». И все равно Шаева посадили в башню, где он должен был отсидеть неделю за поклеп.

Отчаянье от утраты матери постепенно проходило, мир вокруг большой, зеленый, прекрасный. Зло отступало до отдаленнейших горизонтов воображения, нужно было жить и любить, чтобы не погибнуть, смеяться и напевать парням, собирать цветы возле Липы и Свиржа, прислушиваться к лесным шелестам, как к собственному дыханию, жить среди неприступных, исполинских буков, ласковых лещин, притаившихся под листьями грибов, ярких твердых ягод. Часто в те годы шли дожди. Она убегала тогда из дому, блуждала в одиночестве по лесу, там было живое дыхание буйной зелени и ощущение неудержимой силы прорастаний, бесконечности и летучести тела и духа. А может, это она росла и ей хотелось туда, где это ощущалось всего острее?

Когда-то была ежиком под кленовым листочком, мама называла ее солнышком, отец – королевной, напевала себе песенки, подпрыгивая на одной ножке, высовывала от удовольствия язычок, показывая белому свету: «Вот!» Не терпелось ей поскорее вырасти, рвалась из детства, как из тенет. Куда и зачем?

Теперь чувствовала себя взрослой, кровь струилась в ее сильном, гибком теле, неизъяснимое томление нападало внезапно, почти так же, как настырные братья Бабыяки, скрытные и злые, как маленькие собачонки: то прожгут штаны

на портном Яне Студеняке, то дернут за бороду самого райцу Голосовского, то украдут котел у лудильщиков-цыган, то прижмут какую-нибудь из девчат, чудом она спасется. От Бабьяков Настася убегала, не поймали ни разу, но разве она знала, от кого бежит? Наверное, пришло для нее такое время, пора приспела, когда толкает тебя какая-то сила к людям, а ты выбираешь одиночество. Наверное, и спаслась благодаря своей странной привычке убегать из дому по ночам.

Татары налетели на Рогатин ночью, прокрались тишком сразу через все ворота. Запрудили все улицы, окружили все дома, лавки и церкви, а потом подожгли весь Рогатин, выгоняя людей из помещений, – привыкли убивать и хватать на просторе. Колокола в церквях Богородицы и Святого Духа ударили и захлебнулись. Рогатин запылал багряно и безнадежно. Настася побежала сначала домой, потом вниз, к отцовой церкви, увидела запряженный воз возле церкви, да не суждено уже было отцу Лисовскому вывезти этой подводой церковные ценности, потому что когда бежал к возу с тяжелой шкатулкой в руках, появился на пути черный всадник, а перед Настасей – другой, пламя ударило отовсюду, уже и не видела она, живой упал несчастный и одинокий ее отец или мертвый и сожгли ли старую церковь с иконами и ризами. Ничего не видела и не слышала, очнулась на том самом возу, но катился он уже не пылающими улицами Рогатина, а Бабинцами, а потом все дальше и дальше, на Валашский шлях, прозванный татарами Золотым за неисчислимую до-

бычу, которую захватывали на нем. Туманы Днестра и Прута оставались в стороне, потоки и растоки зеленого края, воды белые и черные, дожди и птичий щебет лесной – все оставалось позади, навсегда, навеки. Только топот копыт и свист стрел в степи, травы жесткие и земля твердая, как отчаянье. Белым телом земля проборонована, кровью залита, копытами конскими вспахана. «Ізза гори-гори, темненького лісу татари ідуть, русиначку ведуть. У русиначки коса з золотого волоса – щирій бір освітила, зелену діброву і биту дорогу. А за нею біжить в погоню батенько її. Кивнула-махнула білою рукою: «Вернися, батеньку, вернися, рідненький, уже ж мене не однімеш і сам, старенький, загинеш. Занесеш голову на чужую сторону, занесеш очиці на турецькі границі!» Ее везли на отцовой подводе, потом на черной арбе татарской, укрытую от солнца, окруженную заботой и вниманием, хотя рядом гнали закованных в железо таких же, как она, и намного красивее, чем она. Потом было море – горы враждебной воды, тьма таинственных чужих просторов, полных загадочности, грозно и враждебно припавших к обычному миру земли. Был страшный невольничий рынок в Кафе, где ее продали Синам-аге, и снова Черное море, где лучше бы ей было утонуть, но она не утонула – осталась жить дальше.

Жить? Зачем? Надежды умерли в ней давно, молитвы, какие знала с детства, порастеряла все до единой, существовала теперь в сплошной униженности, в полубреду, в полусознании, но где-то в отдаленнейших глубинах души еще ощу-

щая, что продолжает жить, что не умрет, что жить надо, надо, надо! Поэтому смеялась и пела на невольничьем рынке в Кафе, и на кадриге Синам-аги, и даже в темных дебрях Бедестана, когда ее продавали вторично и, может, навсегда.

Отара

Было в ней что-то особо привлекательное – то ли в неземном сиянии золотисто-красных волос, то ли в изящной, гибкозмеистой фигурке, если уж тот дикий татарский всадник даже ночью, в призрачном свете пожара, пленился ею так, что выделил ее из всех других пленниц и до самой Кафы вез как драгоценнейшее сокровище. Да и суровый викарий Скарбский, точно чувствуя клочкотанье огня в ее сердце, часто заводил беседы не только о спасении души, но и о теле, и она с удивлением отметила, что и сам Бог признает плоть, эту одежду души, и что чем плоть лучше и совершеннее, тем довольнее должен быть таким человеком Всевышний. «Плоть – значительная часть нашего естества, – говорил Скарбский. – Следует повелеть нашему духу, чтобы он не замыкался в самом себе, не презирал и не оставлял одинокой нашу плоть, а сливался с нею в тесных объятиях». От таких слов Настася невольно краснела, а суровый викарий, словно бы не замечая девичьего смущения, глядя поверх ее головы, продолжал: «Правосудие господнее предвидит это единение и сплетение тела и души таким тесным, что и тело вместе с душой обрекает на вечные муки или на вечное блаженство».

Если бы ей дано было выбирать, она выбрала бы только вечное блаженство, иначе зачем жить!

«Те, которые хотят отречься от своего тела, пытаются

выйти за пределы своего естества и бежать от своей человеческой природы – это безумцы. Вместо того чтобы превратиться в ангелов, они превращаются в зверей, вместо того чтобы возвыситься, они унижают себя...»

«Я не отрекусь, не отрекусь никогда, – клялась себе в душе Настася. Не отрекусь и не унижусь!»

Когда же ступила на стамбульский берег, забыла обо всем. Шла за вереницей своих закованных в железо несчастных подруг, шла свободно, будто турчанка, в шелковых широких шароварах, в длинной сорочке из цветистого шелка, в зеленом девичьем чарчафе, который закрывал ей лицо и волосы, в искусно расшитых, с загнутыми носками туфельках из позолоченного сафьяна, мостик качался на связанных бочках, брошенных в грязную воду, мир качался у Настаси перед глазами, огромный город поднимался перед нею округло-выпукло, бил червонностью солнца из множества оконных стекол, скорбно зеленел свечами кипарисов, нацеливал на нее мрачные башни древних стен, острия бесчисленных минаретов. Она шла вприпрыжку по тому шаткому мостику, вымеивалась спиной, всем станом, молодая, гибкая, жадная к жизни, ступала на край этой чужой, страшной, враждебной земли, тоскливое стенанье, как недавно на море, рождалось в ее душе, от отчаянья она, казалось, даже теряет зрение, но встряхивала упрямо головой, прыгала вперед, точно спасаясь от шарканья старческих ног Синам-аги позади себя: шаркшарк! В воде залива – целые свалки, мусорные кучи, за-

тонувшие гнилые доски, отбросы, собачья падаль, обломки дерева, облепленные ракушками, смрад. У воды раскопанная земля, топи, лужи, болота, гниль, затопленные сгнившие челны. А залив назывался Золотой Рог. Где же то золото и что тут золотое? Разве что солнце на небе, но как же оно высоко!

К Золотому Рогу бегут отлогие улочки, переплетенные между собой в мертвых объятиях, как утопленники, старые деревянные дома, украшенные густой резьбой, криво наклоненные друг к другу, вот-вот упадут. Улочка рассечена солнцем пополам – тень и зной – так и шкварчит. Синам-ага велел вести полонянок по теневой стороне. Может, сожалел, что не дождался вечера на кадриге, чтобы не выставять свою добычу улицам на глаза? А улицы были заполнены одними мужчинами. На маленьких площадях, у фонтанов, в тени платанов, даже на солнцепеке, на каждом свободном месте мужчины сидели густо, как мухи, недвижимые и черные. Лишь уличные продавцы воды, миндаля, сладостей, жареного мяса слонялись между теми черными фигурами, что-то выкрикивали гортанно, клопочуще, словно бы задыхаясь, кормили и поили те странно неподвижные, внешне спокойные – ни брани, ни драки, ни споров, ни голоса, ни ветра – толпы мужчин. Да и не могли они ни разговаривать, ни спорить, ни драться, ибо были предельно заняты: все ели, жевали, глотали, пили холодную воду, снова ели. Варенные в котлах кишки, вымя, потроха, сердца бараньи и воловьи, жир-

ные кебабы, какие-то овощи, с которых стекал жир, – видно было по шеям, с какой жадностью глотают они огромные куски. И хоть бы кто-нибудь подавился! Испражнялись, недалеко и отходя. Сморд мочи, отбросов, смолы, дыма, чеснока, рыбы. Торговцы разносили еще и какие-то съедобные цветы, но куда там аромату цветов среди этой загаженности, среди этого жеванья, глотанья и испражнений! Ели ненасытно, стоя, на ходу, как кони или верблюды, и все неотрывно смотрели на белых женщин, которых гнали по улицам надсмотрщики Синам-аги. Взгляды бежали за женщинами, скользили по ногам, липкие, грязные, тяжелые, мужчины урчали, как коты, похоть била из их изленившихся фигур – о проклятые самцы, твари, псы! Вот где женщина чувствовала, что за проклятие ее тело, вот где хотела если уж не взлететь пташкой в небо, то провалиться сквозь землю, хотя, пожалуй, и в земле не спасешься от тех взглядов, от тех страшных глаз.

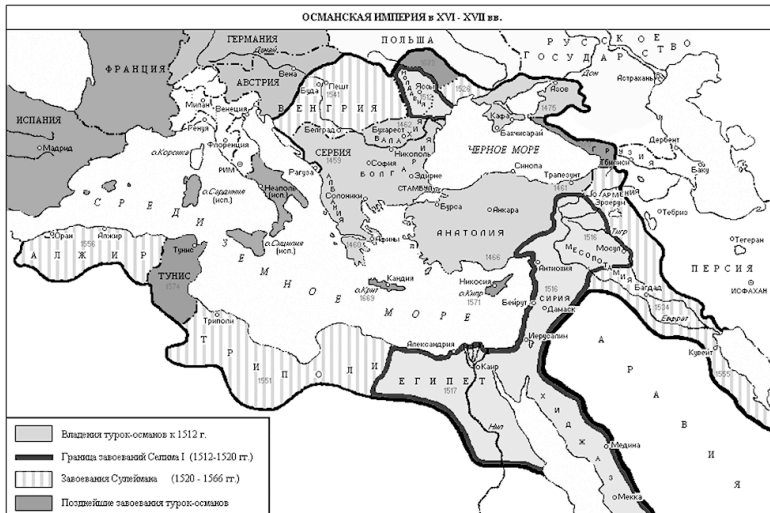
Глаза были как облик и дух этого гигантского города. Откровенно наглые и скрытые, невидимые, но ощутимые взгляды. Впечатление было такое, что глаза неотступно следят за тобой и невозможно от них укрыться ни под водой, ни под землей. Глаза на улицах, в деревянных домах, за деревянными решетками, в листве деревьев, в фонтанах, в надписях на белых и серых плитах, на высоких минаретах и широких выщербленных каменных стенах оград, в воздухе, как тени птиц, облаков или падающих листьев. Взгляды холодные, как прикосновение змеи, шероховатые, как тоска, вечная мука

надзора, недоверия, подозрительности, город как сплошная страшная тюрьма для женщин. Настася старалась не замечать ни тех взглядов, ни тех глаз. Только бы не поддаться отчаянью, забыть о тех глазах. «Смейся, дитя мое!» – говорила когда-то ей мама. Где же вы, мама?

Веял удушливый ветер лодос – ветер умерших. Неистовствовало солнце, бледное и страшное, как глаз слепого. А дома солнце всегда светило сквозь зеленые листья, сквозь густые ветви, ложилось на землю кружевными бликами, кропило зеленым сиянием их дом, тропинку от ворот, траву по сторонам тропинки, криницу с замшелым срубом, березовые и дубовые дрова под высоким навесом. Кому здесь об этом расскажешь?

Покинута всем светом, точно совершила какие-то большие преступления. А ведь она невинна и праведна, как только что вылупившийся птенчик. Кому об этом расскажешь? Иов тоже был справедлив, а пережил тяжелейшие несчастья. Или так уж суждено всем невинным и справедливым? А те, что следят неотвязно и неотступно за каждым ее шагом? Спросить бы у них, сколько преступлений, грабежей, убийств на их совести. Греются на солнце, смеются, жуют, глотают... Круглоголовые мальчишки – чоджуки – шастают под ногами, что-то кричат полонянкам, швыряют камешки, обсыпают пылью. Евнухи лениво отмахиваются от их настырности, взрослые наблюдатели подстрекают и подзуживают мальчишек, – здесь одни только мальчишки, ни одной

девочки, так же как и ни единой женщины на улицах, кроме этих несчастных, среди которых самая разнесчастливая она, Настася. Потому что похотливых взглядов на ее долю приходится больше всего. Скованные цепью, в железных ошейниках, для мужской толпы они уже словно бы и не женщины, взгляды лишь скользят по ним и летят дальше, жадно выискивая себе поживы полакомее, и ею неминуемо должна стать она, Настася, одетая турчанкой, маленькая, изящная, гибкая, как зеленый плющ на древних каменных стенах Стамбула, для турок она тоже турчанка, может, жена старого Синам-аги, может, дочка, это не важно, главное – женщина, молодая, правоверная, отчего наслаждение от созерцания еще увеличивается, и поэтому они летят на нее, забивают ей дыхание так же, как удушливый ветер лодос.

Карта Османской империи XVI–XVII вв.

Пробовала спастись, отводя глаза на стены Стамбула. Начинались они от Золотого Рога. Темные камни, циклопические скалы, могучие глыбы, зубастые короны башен, то четырехугольных, то круглых, тесаный камень и красная плинфа оград, руины прилепившихся к оградкам древних дворцов, глубоченные рвы, наполненные уже не водой, а обломками прежних святынь и жилищ, травой, зельем, стволами поваленных деревьев, чащами; где-то за рвами широкая дорога, выложенная белыми плитами, наверное, еще во времена греческих императоров, на склонах рвов клочки огородов, потом снова дикие заросли, плющ, иудино дерево с цве-

тами неестественной окраски, выгоревшая на солнце трава, ослы с красными тюками на спинах, круглоголовые чоджуки.

Та каменная ограда воспринималась как огромное тело этого загадочного города, а здесь, на улицах, – его внутренности, требуха, грязь и отбросы. Вся жизнь сосредоточилась в тех лабиринтах взглядов, в капканах огненных глаз фанатиков, в неистовстве похоти. И если жизнь представлялась как евхаристия, как неудержимый бег апостолов к тайне, то теперь Настася могла убедиться, что тайн не существует, что и на тех апостольских вершинах, пожалуй, можно найти проклятие, а то и конец.

Чтобы хоть немного успокоиться, девушка пыталась искать сходство между стамбульцами и навеки утраченными людьми из Рогатина, которые стояли у нее перед глазами неотступно и упорно, а может, то она сама выстраивала их рядами в своем изболевшемся воображении, цеплялась за них, как за последние остатки жизни. Не было ничего общего. Может, только караим-пекарь походил немного на этих мужчин. Разве же такими были рогатинцы, добрые, ласковые, какие-то светлолицые, наивные, как дети? А эти усохшие, шершавые, вываленные и высушенные на солнце и, видимо, ленивые, как тот Василь из Потока, что упорно ставил свою халупу слишком близко от синагоги, и хоть правояверные евреи всякий раз разваливали ее, не давая Василию возвести кровлю, он вновь и вновь упрямо лепил ее, потому что лень было отодвинуть ее дальше.

Вспомнив того дурноватого в лени Василя, Настася чуточку развеселилась и смогла даже затеять сама с собой причудливую игру. Никакая она не полонянка, не проданная, не купленная, не дочка попа из Рогатина, а молодая турчанка, принадлежит этому живописному необычному миру, а мир принадлежит ей. Она беззаботная девчушка, свободная, властная, богатая. Может, даже дочь Синамаги. А то и выше. Это неважно, главное – молодая, привлекательная, правоверная, отчего, вишь, наслаждение для взглядов еще усиливается, и потому они устремляются на нее, минуя бедных ее подруг, забивают ей дыхание так же, как удушливый ветер лодос.

Шла, еще больше изгибаясь всем станом, играли в ней все суставы, вытанцовывала каждая мышца, и тонкий шелк послушно передавал все это, повторял и воссоздавал, даже как будто вздох восторга сопровождал и преследовал таинственную, необыкновенную девушку, катился за нею, нарастая, умножаясь; соревнуясь в мощи с неустанным ветром: «Бак, бак, бак!»²³

Но игра прервалась неожиданно и жестоко.

Уже и до этого Настася заметила, как много животных на стамбульских улицах. Точно в Рогатине в ярмарочные дни. Кони с всадниками и расседланные, ослики с поклажей в сонной дреме или в жутком крике, напоминавшем скрип сухого колеса: «И-ах, и-ах!», собаки грызутся за голые ба-

²³ Смотри, смотри, смотри! (*турецк.*)

раньи кости или щелкают зубами, вылавливая блох в слипшихся от грязи хвостах, изнеженные гибкоспинные кошечки наслаждаются своей неприкосновенностью и безнаказанностью, воркуют голуби возле мечетей и фонтанов, чирикают маленькие птички, распевают в ветвях, вычирикивают в густой листве, – мир красочный, ласковый, совсем чуждый этому нечеловеческому лабиринту, выстроенному из скользких вожаденных взглядов и из ненавистного дыхания, охватывающего тебя смердящим облаком, сквозь которое невозможно прорваться.

Все живое для полонянок казалось недостижимым на этих улицах, и они словно забыли о его существовании так же, как медленно забывали своего бога, который бросил их одних, отчурался, остался за морем, послав их на чужбину, беспомощных и слабых.

Но вот впереди скорбной вереницы пленниц, неведомо откуда взявшись, точно родившись из стамбульской пылищи, появилась отара серых лохматых овец, овцы плотно теснились, напуганно налетали друг на друга, тыкались сослепу то в одну, то в другую сторону, чабаны в высоких, островерхих мохнатых шапках, в когдато белой, а теперь безнадежно заношенной одежде гийкали на своих одуревших животных, сбивали их герлыгами еще плотнее, гнали дальше на продажу или на убой, а впереди отары важный, как Синам-ага, выступал огромный черный козел с повешенным на шею колокольчиком-боталом из позеленевшей меди, и та медь с каж-

дым покачиванием козлиной шеи звенела глухо, мучительно, как Настасино сердце.

Отара была как их доля. Овец гнали, как людей, а людей – как овец. Духом гибели повеяло на несчастных женщин от этого зрелища, в ноздри бил им смрад ненависти, слышался голос смерти.

– Гий! Гий! – кричали чабаны-болгары голосами усталого-тусклыми, а Настасе чудилось, будто это глубоко в ее груди звучит чьето предостережение: «Стой! Стой!», и тело ее словно одеревенело, потеряло гибкость и изящество, не могла ступить ногой, не могла шевельнуться – вот так бы упала, ударилась о землю и умерла тут, чтобы не видеть этого чужого города, не ощущать на себе липких, ползущих, как гусеница, взглядов, не знать унижения и страха, сравняться с теми овцами, предназначенными на убой.

Но снова смилостивилась над нею судьба. Евнухи свернули в проулок к двухэтажному деревянному дому, старому и расползшемуся, как и его хозяин Синам-ага. Настася краем сознания отметила густую резьбу, маленькие окошечки с густым плетением деревянных решеток наверху, крепкую дверь с толстым медным кольцом, старое дерево перед домом, клонившееся на стену, вот-вот упадет. Из бесконечного Стамбула, из его ненависти и муки бесконечной они были брошены теперь в тишину этого прибежища, в тесноту деревянной клетки-тюрьмы, где свободу заменили решетками на окнах, старыми коврами на полу, подушками – мин-

дерами, беспорядочно разбросанными между медной посудой, курильницами, вещами незнакомыми, причудливыми, бессмысленными и враждебными.

С женщин сняли железные ошейники. Наконец-то, наконец! Показали, где вода, где все необходимое.

Хоть и навеки, может, похоронены в этих четырех стенах, но спасены от алчных глаз и живы, живы!

Синам-ага, приглядываясь, как провожали пленниц на женскую половину и крепко запирали для надежности, бормотал молитву благодарности: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. От зла тех, что дуют на узлы, от зла завистника, если он завидовал!»

Медленно поплелся на мужскую половину дома – селям-лик. Теперь мог терпеливо выждать со своей добычей, пока придет время выгодно ее продать. Ту красноволосую продаст венецианцу, давшему задаток, а до тех пор она будет вместе со всеми. Торопиться с нею не следует, хотя она и не его наполовину. Никогда не надо спешить отдавать чужое. «Если дадите Аллаху хороший заем, он удвоит вам и простит вас... знающий сокровенное и явное, велик, мудр!...»

Валиде

О своей новой рабыне Ибрагим забыл. По крайней мере, хотел, чтобы так думали. Кто? Его евнухи, которых должен был держать для присмотра за гаремом? Или сама рабыня, слишком дерзкая и неукротимая для своего положения? Дерзости он не прощал никому. Даже султан Сулейман никогда бы не осмелился быть дерзким с Ибрагимом. Отношения между ними вот уже десять лет были чуть ли не братские. Старшим братом, как это ни удивительно, был Ибрагим. Сулейман подчинялся Ибрагиму во всем: в изобретательности, в капризах, в настроениях, в спорах, в конных состязаниях и на охоте. Шел за ним с удовольствием, словно бы даже радостно, Ибрагим опережал Сулеймана во всем, но придерживался разумной меры, не давал тому почувствовать, что в чем-то он ниже, менее одарен, менее ловок. Все это было, но все было в прошлом. Смерть султана Селима изменила все в один день. Ибрагим был слишком умным человеком, чтобы не знать, какая грозная вещь власть. Человек, облеченный властью, отличается от обыкновенного человека так же, как вооруженный от безоружного. Над султаном – лишь небо и Аллах на нем. Аллах во всем присутствен, но все повеления исходят от султана. Теперь Ибрагим должен был оберегать Сулеймана, охранять его днем и ночью, удерживать в том состоянии и настроениях, в каких он был на протяжении де-

сяти лет в Манисе, конечно же по отношению к себе, ибо зачем же ему было заботиться о ком-то еще на этом жестоком и неблагоприятном свете? Напряжение было почти нечеловеческим. Быть присутствующим даже тогда, когда ты отсутствуешь. Появляться, чуть только султан подумает о тебе, и суметь так повлиять на султана, чтобы он не забывал о тебе ни на миг. В Манисе Ибрагимовыми соперниками были только две женщины – мать Сулеймана валиде Хафса и любимая жена Махидевран. Впрочем, остерегаться он должен был только валиде, ибо она имела власть над сыном таинственную и неограниченную. В Стамбуле валиде приобретала силу еще большую, но тут появилась соперница самая страшная – держава, империя. Она затягивала в себя Сулеймана, грозила проглотить, состязаться с империей было бессмысленно, поэтому Ибрагим должен был теперь заботиться лишь об одном: не отставать от Сулеймана, быть с ним сообща в добре и зле, ясное дело, уступая ему для вида первое место, хотя на самом деле из всех сил удерживался в положении, которое занимал в Манисе. Его называли хитрым греком, никто при дворе не любил его, кроме Сулеймана и валиде, которой нравилось все, что мило сыну, а Ибрагим не проникался ничьими чувствами, весьма хорошо зная, что каждый выплывает из моря в одиночку, полагаясь лишь на собственную ловкость. Недаром же он родился и вырос на острове из твердого белого камня. Знал еще сызмалу: жизнь тверда, как камень, и окружена глубоким безжалостным мо-

рем. Дух островитянина жил в Ибрагиме всегда, хоть и глубоко затаенный. Если говорить правду, то Ибрагим глубоко презирал людей с материка, но презрение свое умело скрывал, ибо численное преимущество было не за островами, а за материком. Численное, но и только. Силой души он превосходил всех. Также и султана. Знал это давно, никому другому этого знать не полагалось. Поэтому должен был прикидываться предупредительным и даже унижаться перед султаном. Дух его, неспособный к унижению, страдал при этом безмерно, но Ибрагим ничего не мог с этим поделать, разве что истязать тем или иным способом свое тело. Мог отказать себе во вкусной еде, когда Сулейман не хотел ничего есть, месяцами не навещался в свой гарем, сопровождая Сулеймана в его странствиях, на охоте, в размышлениях и скуке; забывал о прибылях, довольствуясь простейшими милостями своего высокого покровителя: улыбкой, восторженным словом, благосклонным взглядом или простым кивком головы. Часто Сулейман запирался с Ибрагимом для ужина вдвоем, без слуг и без свидетелей, целые ночи проводили они в беседах, во взаимном восхищении, пили густые кандийские вина, поставляемые Ибрагиму верным ему Грити. Изнеможенный Сулейман засыпал, но его собеседник не смежал век. Ибрагим боялся постели. Заснешь, так, может, и навеки. В этой земле такое часто случается. А может, где-то глубоко в памяти жило страшное воспоминание о том, как он заснул на теплых камнях и стал рабом Джафер-бега. Те-

перь обречен был жить как сова. И когда выпадало ему провести ночь с женщиной, то вымучивал ее, не давая уснуть ни на минутку, жестоко и неумолимо подгонял ее в утехах и ласках: «Не сплю я, так и ты не смеешь спать».

Главные ворота дворца Топкапы

Где-то пугливо ждала первой ночи с ним новая рабыня, за которую он заплатил бешеные деньги, поддавшись неизъяснимому движению души, — он не торопился. Суть облада-

ния женщиной не в осуществлении задуманного – суть в самом замысле, в злом наслаждении власти над выжиданием своим и той женщины, над которой ты нависаешь, как карающий меч, как судьба, как час уничтожения. Это ты выбираешь надлежащий момент и берешь женщину не просто нагую, но оголенную от всего сущего, и нет тогда с нею ни Бога, ни людей, только ее обладатель. С намного большим желанием бросил бы Ибрагим себе под ноги нечто большее, чем женщину, но пока не имел того большего, боялся даже подумать о том, ибо не влекло его ничто, кроме власти. Власть была у султана, Ибрагиму суждено было смирение, особенно невыносимое из-за того, что ходил около власти на расстоянии опасном и угрожающем. Но довольствоваться приходилось малым. Поэтому он вспомнил наконец о своей золото-волосой рабыне и велел старшему евнуху привести ее ночью в ложницу.

У изголовья помаргивал сирийский медный светильник, из медной курильницы на середине большого красного ковра вился тонкий дымок едва уловимых благоуханий. Ибрагим лежал на зеленых, как у султана, покрывалах, держал перед собой древнюю арабскую книгу, книга была толстая и тяжелая, держать без деревянной подставки да еще в постели такую тяжесть было просто нелепостью, но ему очень уж хотелось показаться перед девчонкой именно так – солидным ученым мужем, поразить ее так же, как хотел, видимо, поразить на Бедестане, назначив не торгуясь цену за нее вдвое

большую, чем просил старый мошенник Синам-ага. Как ее зовут? Роксолана. Имя ей дал Луиджи Грити. Небрежно, не думая, мимоходом. Пусть будет так! Можно было бы еще назвать Рушен²⁴. Это тоже будет напоминать о ее происхождении и в то же время соответствовать османскому духу. Подталкиваемая евнухом, девушка вошла в просторную ложницу и не без удивления увидела на зеленом ложе того самого венецианца, что купил ее на Бедестане. Была вся в розовом шелку, тонком и прозрачном, но не слишком. Ибрагим повернул к ней голову, свел к переносице брови.

– Ты будешь отныне Рушен, – сказал на странном славянском, от которого Настасе захотелось смеяться.

– Разве ты турок? – забыв, зачем ее сюда привели, простодушно спросила она.

– Рушен и Роксолана, – так будешь называться, – не отвечая, строго пояснил грек.

– Ты был на базаре византийцем и походил на христианина, а выходит, ты турок? – Настася стояла у двери и удивлялась не так своей беде, как этому худощавому человеку, который даже в постели держит накрученный на голову целый стог из белого полотна.

– Подойди ближе и сбрось свою одежду, она мешает мне рассмотреть твоё тело, – велел Ибрагим. – Ты рабыня и должна делать все, что я тебе велю.

– Рабыня? Рабы должны работать, а я сплю да ем.

²⁴ *Рушен* – сияющая, а также русская.

– Ты рабыня для утех и наслаждений.

– Для наслаждений? Каких же?

– Моих.

– Твоих? – Она засмеялась. – Не слишком ли ты хилый?

Он оскорбился. Сверкнули гневно глаза, дернулась щека.

Швырнул книгу на ковер, крикнул:

– Подойди сюда!

Она шагнула словно бы и к ложу, и в то же время в сторону.

– Еще ближе.

– А если я не хочу?

– Должна слушаться моих повелений.

– Ты же христианин? Ведь не похож на турка. Христианин? Это было так неожиданно, что он растерялся.

– Кто тебе сказал, что я был христианином?

– И так видно. Разве не правда?

– Теперь это не имеет значения. Подойди.

– Не подойду, пока не узнаю.

– Чего тебе еще?

– Должен мне ответить.

– Ты дерзкая девчонка! Подойди!

– Нет, ты скажи мне. Слышал про тех семерых отроков, что уснули в Эфесе?

– В Эфесе? Ну, так что же?

– Они до сих пор спят?

Ибрагиму начинало уже нравиться это приключение в

собственной ложнице.

— По крайней мере я не слышал, чтобы они проснулись, — сказал он, развеселившись. — Теперь ты удовлетворена?

— А тот священник? — не отступала она.

— Какой еще священник?

— В храме святой Софии. Когда турки с их султаном ворвались в Софию, там отправляли святую службу, все стояли на коленях и молились. На амвоне стоял священник, который вел службу. Янычар кинулся с саблей на священника и уже замахнулся разрубить его, но тот заслонился крестом, попятился к стене храма, и стена расступилась и спрятала священника. Он выйдет из нее, когда настанет конец неверным. Ты должен был бы слышать об этом.

— Никто здесь не слыхивал о таком. Это какая-то дикая выдумка.

— Почему же дикая? Это знают все почтенные люди.

Настася легко шагнула ближе к ложу, нагнулась над книгой, перевернула страницы.

— Не знаю этого письма. Какое-то странное.

— Умеешь читать?

— Почему бы не уметь? Все умею.

— Так иди ко мне.

— Не пойду. Этого не умею и не хочу. С тобой не хочу.

— Заставлю.

— Разве что мертвую.

— Ты девственница?

– Должен был бы уже увидеть.

– Но ведь ты не хочешь, чтобы я на тебя посмотрел.

На Ибрагима надвигалось необъяснимое нежелание. Думал уже не об утехах, а о том, как найти почетное для себя отступление и как вести себя с этой удивительной девчонкой дальше. Сказать по правде, Рушен как женщина ничем не привлекала Ибрагима. Женщина должна быть безмолвным орудием наслаждения, а не пускаться в высокие разглагольствования, едва ступив в ложницу.

– Ты чья дочь? – спросил он, чтобы выиграть время.

– Королевская! – засмеялась Настася, дерзко тряхнув своими пышными красноватыми волосами.

Ибрагим не понял. Или не поверил. – Чья-чья?

– Сказала же – королевская.

– Где тебя взяли?

– В королевстве.

– Где именно, я спрашиваю.

– Уже там нет, где была.

Он посмотрел на нее внимательнее, придиричливо, недоверчиво, даже презрительно. Никчемная самозванка? Просто глупая девчонка? Но ведь и впрямь удивительная и внешне, и нравом. И ведет себя предельно странно. Никогда еще не слышал он о рабынях, которые бы смеялись, только-только попав в рабство. Могла быть и в самом деле внебрачной королевской дочерью. Христианские властители не собирают так заботливо свои побеги, как это делают мусуль-

мане.

Ему захотелось подумать наедине. Не знал одиночества, не имел для него времени, но порой остро ощущал в себе какую-то неизъяснимую тоску, и лишь погода открывалось: это тоска по одиночеству. Жаждем того, чего лишены.

– Ладно, – махнул он устало. – Сегодня уходи. Позову тебя потом.

– Куда же мне? – удивляя его еще больше, спросила де-вушка. – Опять туда – есть и спать?

В ней и в самом деле было что-то не такое, как в других людях. – А чего бы ты хотела?

– Науки.

– Может, ты забыла, кто ты?

– Рабыня. Но дорогая.

– Ты все знаешь!

– Если бы все, не хотела бы учиться.

– Тебя ведь учат петь и танцевать?

– Умею и без того. Могу спеть тебе, как меня покупали. Послушай-ка. Она уселась на ковре, свернулась клубочком, чуть прикасаясь пальчиками к толстой арабской книге, глубоким тоскующим голосом затянула: «За самое Настасю девять тысяч. За стан гибкий десять тысяч. За белое лицо одиннадцать. За белую шею двенадцать. За синие очи да длинные ресницы тринадцать. За тонкие брови четырнадцать. За косу золотую пятнадцать...»

Вскочила на ноги, побежала к двери. – Вот тебе песня.

Хватит с тебя?

– Уходи. Дай мне время подумать.

NOEL H. LEAVER.

Она еще не верила.

– Вот так и уйти? Я ведь рабыня.

– Иди, иди. Я еще тебя позову.

– Мало радости!

Она вышла от него, смеясь, но он не хотел слышать ее смеха, хотел думать.

А о чем думать – не знал. Посоветоваться? О женщине не советуются. Против нее разве что берут свидетелей, когда женщина учинит мерзость. «А те из ваших женщин, которые совершат мерзость, – возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не упокоит их смерть или Аллах устроит для них путь». Был Грити, стоявший в стороне от ислама. Но с Грити не хотелось бы говорить о Роксолане, при встрече тот и так непременно подмигнет и спросит с грязной мужской откровенностью: «Ну как, по вкусу пришлась вам Роксоланочка?»

Ибрагим лежал и перебирал в памяти стихи четвертой суры Корана «Женщины». Всегда находил в этой книге утешение, особенно там, где вспоминалось его имя. Знал, что это пророк Ибрагим, коего христиане зовут Авраамом, но все равно радовался, читая: «Ведь мы даровали роду Ибрагима писание и мудрость...»

Может, и Феррох-хатун, отбирая для маленького раба своего мусульманское имя, остановилась на Ибрагиме имен-

но затем, чтобы наполнить гордостью его дух? Ибо о его духе заботилась она рьяно и ожесточенно, отдавая тело природе, которая без чьей-либо помощи уже в четырнадцать лет сделала Ибрагима пылким и преданным любовником его доброй госпожи. Теперь она где-то утопает в безутешных слезах, а он должен найти разумный выход из тупика, в который попал, купив на Бедестане странную рабыню. «И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого. Не уклоняйтесь же всем уклонением, чтобы не оставить ее точно висящей. А если вы уладите и будете богобоязненными, то поистине Аллах прощающ, милосерд!»

До утра почти не заснул. Евнуха, сунувшегося было спросить, не привести ли любимицу Ибрагима Хюму, выгнал в три шеи. Евнухи невыносимый народ. Всегда знают то, чего не следует знать никому. Расспросить Рушен не могли, она никому не станет отвечать (даже ему, к сожалению), но догадались и так, раз он отправил рабыню до времени и преждевременно. А может, как раз своевременно?

И тут он испугался: а не проявил ли он слабость, не поддался ли затаенным чарам этой чужестранки? По крайней мере должен был бы напоить ее крепким вином, и пусть бы тогда попробовала проявить свою варварскую смесь острого, как бритва, ума и чуть ли не детской наивности. Но ведь он не сделал этого. Отпустил Роксолану, не прикоснувшись к ее телу, и отпустил до времени и преждевременно. Не иначе — чары. Его надули. Он поддался наивной сказочке о высоком

происхождении и о чистоте чуть ли не ангельской. Ибрагим, Ибрагим!..

Над Стамбулом нависала холодная зимняя мгла, но султан проявил желание ехать на Ок-Мейдан и стрелять из лука в тыкву. Желание падишаха священо. Ибрагим сопровождал Сулеймана, держась возле почетного правого стремени. Он был сама почтительность и предупредительность на этом почетном месте правой стороны, которая укрепляет небосвод, и потешал султана, описывая их упражнения в стиле придворных краснобаев-холуев: «Когда высокий султан, сев на коня, поспешил с августейшим кортежем в путь совершенства, почтительности и служения и, по обычаю халифов, в свободный от державных забот день прибыл на поле стрельбы по тыкве, которая уже ждала на месте прохождения его величества, чухраи и аджемы²⁵ мгновенно стали гонять тыкву, поднятую на двести гезов²⁶ над землей, и великий падишах, аки лев, сотворив себе когти из стрел и лука, стал метать в тыкву стрелы испытания, поощрения и запугивания, согласно словам: «И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устрашите...» Счастливая правая сторона украсилась присутствием главного смотрителя царских покоев и великого сокольничьего Ибрагима, который тоже метал стрелы в свою тыкву, и высокодостойные вельможи султанские, поощряя друг друга, метали стрелы

²⁵ *Чухраи и аджемы* – придворные пажи.

²⁶ *Геза* – мера длины.

счастья в тыквы, подставляемые им аджемами, но не могли сравниться все те тыквы с тыквой высокого султана, желтой, в красных и черных полосах, точно кровь от стрел и синяки от могучих ударов его величества. «Но что за тыква! Глыба наподобие дерева без ствола» или голова богатырского воина, который послушно подставил ее под каменные удары стрел. Она похожа на толстый сук самшитового дерева, это гнездо голубей, которых каменные стрелы вынуждают испуганно взлетать, или райская финиковая пальма, подставляющая себя его величеству, наместнику нашего времени».

Султан похмыкивал на Ибрагимовы шуточки и упорно вгонял стрелу за стрелой в огромную тыкву, которую бегом проносили на высоком деревянном шесте скрытые за земляной насыпью чухраи. Вслед за султанской тыквой передвигались тыквы, предназначенные для Ибрагима, для великого визиря старого Пири Мехмеда, для визирей, янычарских аг, для вельмож, подхалимов и придурков. Султанская тыква была самая большая и самая яркая, его стрелы тоже были с золотым оперением и сияли даже во мглистом воздухе, тыквы для Ибрагима и визирей были намного меньше и все белые, остальные охотники должны были довольствоваться несколькими сероватыми круглыми тыквочками, в которые вгонялось сразу по десятку с лишним злых стрел. Сулейман овладел высоким искусством лучника во время своего наместничества в Крыму, куда его еще маленьким отсылал дед – султан Баязид. И хоть османские султаны считали лук ору-

жием трусов, отдавая всегда предпочтение мечу, Сулейман после Крыма уже никогда не мог избавиться от искушения метать стрелы то в дикого зверя, то в перелетную птицу, то в такую вот тыкву чести и умения.

Султан по своему обычаю молчал, знаками показывая «безъязыким» дильсизам, чтобы подавали стрелы или напитки промочить им с Ибрагимом горло. Ибрагим старался не отставать от Сулеймана, метко вгоняя в свою тыкву стрелу за стрелой, посмеивался над старым Пири Мехмедом, попадавшим редко, неспособным как следует натянуть тетиву, из-за чего его стрелы не долетали, бессильно падали. И вдруг чья-то чужая стрела с хищным свистом впилась в султанскую тыкву, чуть не пронзив ее насквозь. Даже Ибрагим, помертвев лицом, поглядел на свой колчан и на ту злосчастную прищелицу, словно бы хотел удостовериться, что это не его с сине-белым оперением стрела, а воистину чужая, неведомо чья и откуда. Торчала в яркой тыкве, черная, с грязными бусями, прицепленными к ней. Чухраи и аджемы, пораженные неслыханным святотатством, замерли в своем укрытии, тыквы покачивались на высоких шестах, словно бы им тоже передалась дрожь страха, охватившего всех придворных.

Учитель и воспитатель султана, седоголовый визирь Касимпаша, который знал Сулеймана с малолетства, ездил с ним повсюду, жил все годы в Манисе, терпеливо передавал ему все тайны придворных обычаев, теперь с некоторой встревоженностью наблюдал за Сулейманом. Сам Аллах по-

слал это испытание молодому султану. Вот случай проявить и свою власть, и свой нрав, и свою выдержку, которой обучал Сулеймана невозмутимый Касим-паша. «Безъязыких» Сулейман привез в Стамбул тоже из Манисы. Держал своих собственных, не нуждался в дильсизах, служивших султану Селиму. Касим-паша подготовил для своего повелителя и этих молчаливых исполнителей самых неожиданных повелений, повелений тайных, безмолвных, передаваемых жестом, движением, касанием, взглядом, а то и одним вздохом султана. Моргая покрасневшими от ветра старыми своими глазами, Касим-паша удовлетворенно созерцал, как умело и незаметно отдает Сулейман приказы, как мечутся дильсизы, молча и незамедлительно выполняя его волю. Как же поведет себя султан теперь, когда неведомая рука преступно замахнулась на его высокую честь? Чужая стрела в султанской мишени все равно что чужой мужчина в Баб-ус-сааде²⁷. Кара должна быть незамедлительной и безжалостной, но и в наказании нужно соблюдать достоинство. Касим-паша не принимал участия в состязаниях, его не заставляли, над ним не насмехался даже Ибрагим, но если старый визирь не метал стрел, то обеспокоенные взгляды на своего воспитанника он метал еще чаще, чем тот стрелы, и теперь напрягся всем своим старым жилистым телом, как туго натянутая тетива.

Султан не обманул надежд своего верного воспитателя.

²⁷ *Баб-ус-сааде* – Врата Блаженства в султанском дворце. Так назывался и султанский гарем.

Не вырвался у него из груди крик возмущения, ничего он не спросил, только гневно указал рукой на ту дерзкую стрелу, и дильсизы мгновенно бросились на поиски виновника и почти сразу же поставили перед султаном какого-то старого бея, закутанного в толстые рулоны ткани и мехов, в огромной круглой чалме, растерянного и одуревшего от содеянного его нетвердой рукой. Дильсизы, показав султану лицо преступника, накинули ему на голову черное покрывало, изговорясь совершить неминуемую кару, но Сулейман движением указательного пальца левой руки задержал их.

– Где кадий²⁸ Стамбула? – спросил спокойно.

Хотел быть справедливым, руководствоваться не гневом, а законами. Не интересовался, как зовут преступника и кто он. Ибо преступник из-за своего преступления становится животным, а животное не имеет ни имени, ни положения. Только смерть может вновь сделать преступника, посягнувшего на султанскую честь и нанесшего наивысшее оскорбление падишаху, человеком, и тогда ему будет возвращено его имя, и семья сможет забрать его тело, чтобы предать земле согласно обычаю.

Кадий прибыл и поклонился султану.

– Воистину всевышний Аллах любит людей высоких помыслов и не любит низких, – тонко пропел он, поглаживая клочья седой бороды и надувая ставшие от холода сиреневыми щеки. – «Ведь Господь твой – в засаде».

²⁸ Кадий – мусульманский судья.

После этого кадий обрисовал все коварство и тяжесть злодеяния виновного и в подтверждение привел высказывание Абу Ханифы, Малики и Несая²⁹. Не могло быть злодеяния более тяжкого, чем посягательство на честь властителя, те же, кто вгоняет стрелы в тыкву счастья его величества, теряют право на жизнь, ибо «пролил на них Господь твой бич наказания». Воистину мы принадлежали Богу и возвращаемся к нему.

Султан и все его визири признали исключительность знаний кадия, красоту его речи и убедительное построение доказательств. Сулейман показал «безъязыким» пальцем, что они должны делать, те мигом накиннули на шею несчастному черный шнурок, ухватились за концы – и вот уже человека нет, лежит труп с выпученными глазами, с прокушенным, посиневшим языком, и сам султан, Ибрагим, визири, вельможи убеждаются в его смерти, проходя мимо задушенного и внимательно всматриваясь в него. Сулейман подарил кадию султанский халат и, подобревший, сказал Ибрагиму, что хотел бы сегодня с ним поужинать.

– Я велю приготовить румелийскую дичь, – поклонился Ибрагим. Сладостей на четыре перемены.

– Сегодня холодно, – передернул плечами Сулейман, – не помешает и анатолийский кебаб.

– Не помешает, – охотно согласился Ибрагим.

²⁹ Абу Ханифа, Малика, Несай – известнейшие авторитеты в отрасли мусульманского права – шариата.

– И что-нибудь зеленое. Без сладостей обойдемся. Мы не женщины.

– В самом деле, ваше величество, мы не женщины.

Впервые за день султан улыбнулся. Заметить эту улыбку под усами умел только Ибрагим.

– Мы сегодня хорошо постреляли.

– Ваше величество, воистину вы метали сегодня стрелы счастья.

– Но ты не отставал от меня!

– Опережать вас было бы преступно, отставать – позорно.

– Надеюсь, что наш великий визирь сложит газель об этом празднике стрельбы.

– Не слишком ли стар Пири Мехмед, ваше величество?

– Стар для стрельбы или для газелей? Как сказано в Коране: и голова покрылась сединой...

– Мехмед-паша суфий³⁰, а суфии осуждают все утехы. Я мог бы сложить бейт³¹ для великого визиря.

– Зачем же отказываться от такого намерения? – Султан забрал поводья своего коня у чаушей³², тронулся шагом с Ок-Мейдана.

³⁰ *Суфий* – мусульманский ученый, последователь одной из мусульманских сект.

³¹ *Бейт* – двустишие.

³² *Чауш* – нижний чин в армии, а также слуга.

Ибрагим, держась возле его правого стремени, чуть наклонился к Сулейману, чтобы тому было лучше слышно, проскандировал ему:

Имеешь обычай, о суфий, осуждать вино, отрицать флейту!

Пей вино, будь человеком, оставь этот дурной обычай, о суфий!

– Это надо записать, – одобрительно заметил султан и пустил коня вскачь. Ибрагим скакал рядом, как его тень.

Они ужинали в покоях Мехмеда Фатиха, расписанных венецианским мастером Джентиле Беллини: белокурые женщины, зеленые деревья, гяурские строения, звери и птицы – все то, что запрещено Кораном. Но вино пили также запрещенное Кораном, хоть и сказано: «Поят их вином запечатанным», зато с султана постепенно сходила его обычная хмурость, он становился едва ли не тем шестнадцатилетним шах-заде из Маниси, который признавался Ибрагиму в любви и уважении на всю жизнь. Хмельной верблюд легче несет свою ношу. Пили и ели много, но еще больше выбрасывали, ибо челяди вход сюда был воспрещен, убирать было некому.

– Что не съедается – выбрасывается! – небрежно сказал султан. Сегодня вечером мне все особенно вкусно. А тебе?

– Мне тоже.

Ибрагим подливал Сулейману густой мускат, а у самого не выходило из головы: «Что не съедается – выбрасывается».

А он бы не выбросил никогда и ничего – был ведь сыном бедных родителей. Но здесь, возле султана, уже не съедал всего, несмотря на всю свою ненасытность. Вот и Рушен не съел. Так что же теперь – выбросить? Но куда?

Смотрел на Сулеймана, на его печально поникшую на длинной тонкой шее голову, отягченную высоченным тюрбаном, пытался определить истинные свои чувства к этому человеку – и не мог. Не хотел. Кривить душой перед самим собой не привык, а признавать правду?.. Пусть будет, как было доньше. Он живет не для себя, а для темнолицего правителя. И Рушен купил, отдав бешеные деньги, удивив Грити, а потом не тронул и пальцем, когда евнух втолкнул девушку в ложницу, – не для себя, а для султана, для его царственного гарема, для Баб-ус-сааде в четвертом дворе дворца Топканы, за Золотыми воротами наслаждений. Что им руководило? Любовь? Жалость? Благодарность за все, что Сулейман сделал для него? Разве он знал? Действовал неосознанно, сам до поры не ведая, что творит, лишь теперь постиг и обрадовался невероятно, и захотелось рассказать султану, какой дивный дар приготовил для него, но вовремя сдержался. Была у него привычка: сдерживал свои восторги, как коня на скаку. Остановись и подумай еще! Подумал, и осенило его: валиде! Надо посоветоваться с матерью султана, валиде Хафсой, всемогущественной повелительницей гарема падишаха.

После ужина Сулейман попросил почитать ему «Тасавву-

рат»³³, слушал, подремывая, не прерывал и не переспрашивал, а Ибрагим, не вдумываясь в то, что читал, забыв о самом султানে, вертел и вертел в голове только одно слово: «Валиде, валиде, валиде!». «Я нашел женщину, которая ими правит, и даровано ей все, и у нее великий трон».

А потом вдруг вздрогнул, неведомо почему вспомнив мрачную легенду, связанную с венецианцем Джентиле Беллини, который расписывал эти покои для Мехмеда Фатиха. Художник весьма удивил султана, привезя ему в дар несколько своих работ, на которых были изображены прекрасные женщины, показавшиеся Мехмеду даже живее его одалисок из гарема. Султан не верил, что человеческая рука способна создать такие вещи. Тогда художник написал портрет самого Фатиха. Кривой, как ятаган, нос, разбойничье лицо в широкой бороде, звероватый взгляд из-под круглого тюрбана, и над всем властвует цвет темной, загустевшей крови. Султан был в восторге от искусства венецианца. Но когда тот показал Мехмеду картину, изображающую усекновение головы Иоанна Крестителя, султан расхохотался над неосведомленностью художника.

– Эта голова слишком живая! – воскликнул он. – Не видно, что она мертвая. На отрубленной голове кожа стягивается! Она стягивается, как только голова отделена от тела. Вы, неверные, несведущи в этом!

И, чтобы не оставить никаких сомнений касательно сво-

³³ «Тасаввурат» – «Метафизика» Аристотеля в мусульманской обработке.

их знаний, тут же велел отсечь голову одному из чаушей и заставил художника смотреть на мертвую голову, пока венецианцу не стало казаться, словно он и сам умирает.

Не было ничего невозможного для Османов. Особенно в жестокости. Не назовет ли он на себя жестокости своим даром? Поступку должен предшествовать разговор. А разговор — это еще не подарок.

Хотя Ибрагим считался главным смотрителем султанских покоев и хотя Баб-ус-сааде тоже был в его ведении, пройти за четвертые ворота, которые охраняли белые евнухи, без риска утратить голову не мог так же, как и любой мужчина, кроме самого султана. Евнухи не принимались во внимание, ибо евнух не может воспользоваться одалисками так же, как неграмотный книгами. Но с высоты своего положения Ибрагим видел, что творится в гареме, он должен был удовлетворять все потребности этого маленького, но всемогущего мирка; каждое утро к нему приходил главный евнух, передававший веления валиде, Высокой Колыбели, великой правительницы Хафсы, драгоценное время которой не могло растрачиваться на вещи низкие и подлые, для них и был представлен здесь он, Ибрагим, а ее время экономно распределялось между устремлениями приблизиться к Аллаху, возвеличиванием улемов, бедных чалмоносцев. Ибрагим терпеливо слушал разглагольствования черного кизляр-аги, хорошо ведая, что ее величество валиде кроме приготовления даров для мечетей и священных тюрбе, шитья драгоценных поло-

гов, вышивок и плетения кружев большую часть своего времени тратит на сплетни, на выслушивания доносов евнухов и своих верных одалисок, на подавление раздоров, а то и настоящих бунтов, которыми так и кипит гарем, и, ясное дело, на выведывание и слежку каждого шага султана, его визирей, всех приближенных, прежде всего самого Ибрагима, хотя к нему валиде питала особую благосклонность, о чем не раз говорила открыто. И не просто благосклонность, но и любила его, как сына. О чем он тоже слышал из уст самой валиде. Из царственных уст, затмевавших красотой что-либо виденное. Не сочные, не ярко-красные, не нежные той тонкой нежностью, от которой безумствуют мужчины, а скорее строгие, темные, точно запекшиеся, словно бы затвердевшие, но очерченные с таким высоким совершенством, что ждал от них уже и не просто слов, а самой красоты. Не многим из мужчин выпало счастье видеть те уста. Ибрагим принадлежал к этим немногим.

– Передай валиде, – сказал он утром кизляр-аге, – что я просил бы ее выслушать меня.

Кизляр-ага молча поклонился.

– Иди, – снова сказал Ибрагим.

Евнух, кланяясь, попятился к двери. Был могущественнее Ибрагима, потому что держал в своих черных, страшной силы руках и весь гарем, и самого султана, но никогда не проявлял открыто своего могущества, ибо за ним стояли целые поколения таких же евнухов, которые творили свое дело тай-

но, набрасывали петлю, подкрадываясь сзади, а на глазах заискивающе кланялись, унижались и подхалимничали.

Человек, став на ноги и возвысившись над миром животных, сразу как бы раздвоился на часть верхнюю, где дух и мысль, и нижнюю, которую телесность тянет к земле, толкает к низменному, к первобытной грязи. Верхней служат мудрецы и боги, нижней – подхалимы. Они из человеческих отбросов самые древние. Покончить с ними невозможно. Единственный способ – снова встать на четвереньки?

Ибрагим никогда не считал себя подхалимом. Может, и полюбился он Сулейману тем, что не присоединился к толпе лакеев, окружавшей шах-заде в Манисе, а теперь, когда Сулейман стал султаном, он, Ибрагим, тоже не сломался, удержался на своей человеческой высоте, поднялся еще выше над лакеями Высокой Порты, коим тут не было числа. Валиде Хафса поначалу опасливо присматривалась к шустрому греку, остерегаясь, как бы он не навредил ее сыну. Но, обладая необходимым терпением, которое с полным правом можно было назвать целительным, она вскоре убедилась, что между юношами началось нечто вроде состязания в достоинствах, и это ей понравилось. Теперь должна была лишь следить, чтобы Ибрагим, оставаясь напарником Сулеймана, не вознамерился стать его соперником. Малейшие намеки на соперничество валиде замечала если и не сама, то благодаря ушам и глазам, предусмотрительно расставленным повсюду, и своевременно устраняла их незаметно для Сулеймана, часто и

для Ибрагима.

Теперь в просьбе Ибрагима валиде заподозрила какой-то подвох, наверное поэтому несколько дней не отвечала, не то торопливо собирая о нем все возможное, не то готовясь соответственно к предстоящему разговору. Готовиться к разговору, не зная, о чем этот разговор? Странно для всех других людей, но не для валиде. Ибо если человек задумал что-то недоброе, а то и подлое, то он не выдержит, выдаст себя хоть намеком, каким-то незначительным пустяком, хотя бы в сонном бреду или в опьянении, когда они с Сулейманом запираются в гяурских покоях Фатиха, – и тогда она немедленно узнает, догадается обо всем и соответственно приготовится к отпору. Если же у Ибрагима в мыслях нет ничего дурного, напротив, он хочет доставить ей приятное, то и тогда не следует торопиться, ибо торопливость к лицу только людям низкого происхождения, ничтожным, ничего не стоящим. Величие человека в спокойствии, а спокойствие в терпеливости и медлительности. Без промедления следует расправляться только с врагами. Поднятая сабля должна падать, как ветер. Валиде Хафса происходила из рода крымских Гиреев. В ее жилах не было крови Османов. Но, вознесенная ныне до положения хранительницы добродетелей и достоинств этого царского рода, она изо всех сил пыталась вобрать в себя его многовековой дух. Гигантские просторы дышали в ее сердце, медленные, как движение караванов; ритмы песков и пустынь пульсировали в крови, прогнанные

с небес большими ветрами тучи стояли в ее серых искрящихся глазах, ее резные губы увлажнялись дождями, которые падали и никак не могли упасть на землю. Империя была беспредельным простором, простор был ею, Хафсой. Странствуя по велению султанов Баязида Справедливого и Селима Грозного (ее мужа) со своим сыном то в Амасию, то в отцовский Крым, скрытый за высокими волнами сурового моря, то в Эдирне, то в Стамбул, то в Манису, а теперь, соединив и объединив все просторы здесь, в царственном Стамбуле, во дворце Топкапы, она успокоенно воссела на подушку почета и уважения, став как бы тогрой³⁴ на султанской грамоте достоинств целомудреннейших людей всего света.

³⁴ *Тогра* – печать, в которой зашифровано имя султана.

*La più bella e più favorita donna
del gran Turcho ditta la Polca*

*In Venezia per Michae Pagani in
Venezia per Andrea la Fede*

Валиде позвала Ибрагима тогда, когда у него стало исчезать желание поделиться с нею своим намерением. Намерение ценно, пока оно еще не потускнело, когда оно идет от горения души и не имеет на себе ничего от холодного разума. Но откуда же было знать валиде о странном намерении Ибрагима?

Она приняла его в просторном покое у Тронного зала ночью, когда султан уже спал, а может, утешался со своей возлюбленной женой Махидевран. Лишь неширокий переход и крутые ступеньки отделяли их от того места, где находился сейчас Сулейман, и это невольно накладывало на их разговор печать недозволенности, чуть ли не греховности.

Валиде сидела на подушках вся в белых мехах, лицо ее закрывал белый яшмак, сквозь продолговатые прорези которого горели огромные, черные в полумраке глаза. Лишь один светильник, стоявший далеко в углу, освещал лицо валиде несмелыми желтоватыми лучами, но и от него она, пожалуй, хотела заслониться, ибо с появлением в покое Ибрагима подняла свою легкую руку так, что тень упала ей на лицо, но только на миг, валиде сразу же убрала руку, а в ней держала яшмак. Ибрагим относился к мужчинам, уже видевшим лицо валиде, поэтому она не хотела скрывать его и сегодня,

и еще потому, что между ними должен был состояться разговор, а для разговора недостаточно одних глаз, тут нужны также уста, да еще если уста такие неповторимые, как у нее.

– Садись, – пригласила она, показывая Ибрагиму на подушки, которые он мог подложить под бока.

Он поздоровался и сел на расстоянии, почтительно поклонившись в сторону, где утопала в белой нежности мехов маленькая фигурка, которая, даже сидя, успокоенная, неподвижная, была как бы соткана вся из живости, подвижности, беспокойства. Остро поблескивали черно-серые глаза, то ли умело подсурьмленные, то ли в таких причудливых прорезях, маленький ровный носик, казалось, трепетал не одними только ноздрями, но всем своим четким очертанием, губы темно вырисовывались на бледном нервном лице и, казалось, говорили с тобой даже крепко сжатые. Дыхание времени еще не коснулось этого лица. Оно жило, дышало и вдохновляло каждого, кто имел счастье на него взглянуть. Станный был султан Селим – отослал от себя такую женщину и до самой своей смерти не хотел больше ее видеть. Может, и правду передавали шепотом друг другу гаремные стражи, будто Сулейман рожден не Хафсой, а любимой рабыней Селима, сербиянкой родом из Зворника в Боснии. А Хафса, мол, в ту самую ночь родила девочку. Разве могла она вынести, что наследник трона будет от рабыни? Сербиянку задушили евнухи еще до утра, а Сулейман стал сыном Хафсы. Было ли это так на самом деле, и узнал ли об этом Се-

лим, и знает ли ктонибудь наверняка? Гарем навеки хоронит все свои тайны, его ворота заперты так же крепко, как крепко сжаты эти прекрасные уста, которые не хотят промолвить Ибрагиму ни слова, а первым он заговорить не смеет.

Наконец валиде решила, что молчание затянулось.

– Вы хотели со мной поговорить. О чем же? Я слушаю.

Ее манера говорить шла к ее внешности: порывистость, небрежность, слова налетают одно на другое, словно бы губы стремятся как можно быстрее вытолкнуть их на волю, чтобы снова замкнуться в молчании длительном и упорном.

В вопросе валиде Ибрагим мог учуять что угодно: недовольство тем, что ее потревожили, гнев на человека столь низкого в сравнении с ее собственным положением, обыкновенное равнодушие. Не было там только любопытства, истинного желания узнать, что же он ей скажет.

Ибрагим пытался уловить хотя бы отдаленное сходство между валиде и Сулейманом. Не находил ничего. Даже совсем чужие люди, длительное время проживая вместе, перенимают друг от друга то какой-то жест, то улыбку, то взмах брови, то какое-нибудь слово или восклицание. Тут не было ничего, либо двое напрочь чужих и враждебных друг другу людей, либо уж такие сильные личности, что не могут принять ни от кого ни достоинств, ни недостатков. Он чувствовал отчужденность валиде и понял, что она приготовилась в случае чего и к отпору, и к мести, хотя внешне была сплошная доброжелательность. «Они замыслили хитрость,

и мы замыслили хитрость, а они и не знали». Женщины не читают Корана. Но женщинам можно читать Коран, приводя высказывания из него. Ибрагим как раз вовремя, чтобы его молчание не перешло в непочтительность, нашел нужные слова:

– «Кто приходит с хорошим, тому еще лучше...»

А поскольку валиде молчала, то ли не желая отвечать на слова Корана, то ли выжидая, что Ибрагим скажет дальше, добавил:

– «А кто приходит с дурным, лики тех повергнуты в огонь». Она продолжала молчать, еще упрямее сжимала свои темные губы, бросала на Ибрагима взгляды, острые, как стрелы, обстреливала его со всех сторон быстро, умело, метко.

– «Только вы своим дарам радуетесь», – снова обратился он к спасительным словам из книги ислама.

– Так, – наконец нарушила она невыносимое свое молчание. – Подарок? Ты хочешь получить какой-то подарок? Какой же?

– Не я, ваше величество. Не для меня подарок.

Ощущал необычную скованность. Намного проще было бы тогда, ночью, сказать по-мужски Сулейману: «Приобрел редкостную рабыню. Хочу тебе подарить. Не откажешься?» Как сам Сулейман еще в Манисе подарил ему одну за другой двух одалисок, довольно откровенно расхваливая их женские достоинства.

– Для кого же? – спросила валиде, и теперь уже не было никакого отступления.

– Я хотел посоветоваться с вами, ваше величество. Мог ли бы я подарить для гарема светлейшего султана, где вы властвуете, как львица, удостоенная служения льву власти и повелений, подарить для этого убежища блаженств редкостную рабыню, которую я приобрел с этой целью у почтенного челеби, прибывшего из-за моря?

– Редкостную чем – красотой?

– Нравом своим, всем существом.

– Такие подарки – только от доверенных.

– Я пришел посоветоваться с вами, ваше величество.

Она не слушала его.

– Доверенными в делах гарема могут быть только евнухи.

Он пробормотал:

– «...а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас...»

Она и дальше не слушала его. А может, делала вид, что не слушает?

Спросила вдруг:

– Почему ты захотел подарить ее султану?

– Уже сказал о ее редкостном нраве.

– Этого слишком мало.

– Ходят слухи, что она королевская дочь.

– Кто это сказал? Она сама?

– Люди, которым я верю. И ее поведение.

– Какое может быть поведение у рабыни?

– Ваше величество, это необычная рабыня!

Она была упряма в своем упорстве:

– Когда куплена рабыня?

Ибрагим смутился:

– Недавно.

– Все равно ведь я узнаю. Негоже с Бедестана вести рабыню в Баб-ус-сааде. Она должна быть должным образом подготовлена, чтобы переступить этот высокий порог.

Валиде долго молчала. Нечего было добавить и Ибрагиму. Наконец резные губы темно шевельнулись:

– Она нетронута?

– Иначе я не посмел бы, ваше величество! «И вложи руку свою за пазуху, она выйдет белой без всякого вреда...»

Валиде снова погрузилась в молчание, теперь особенно длительное и тяжелое для Ибрагима. Наконец встрепенулась и впервые за все время глянула на него лукаво, подлинно поженски:

– Ты не справился с нею?

У Ибрагима задергалась щека.

– Уже покупая, я покупал ее для его величества! Заплатил двойную цену против той, какую запросил челебия. Бешеную цену! Никто бы не поверил, если назвать.

Она его не слушала и уже смеялась над ним.

– Тебе надо для гарема старую, опытную женщину. Иначе там никогда не будет порядка. Помощи от евнухов ты не хотел, потому что ненавидишь евнухов. Я знаю.

Помолчала – и потом неожиданно:

– Я пошлю проверить ее девственность. Ты возьмешь с собой евнухов.

– Сейчас?

– Откладывать нельзя.

– Я бы мог попросить вас, ваше величество?

– Ты уже попросил – я дала согласие.

– Кроме того. Чтобы об этом знали только мы.

– А рабыня?

– Она еще совсем девочка.

Валиде строптиво вскинула голову. Пожалела о своей несдержанности, но уже не поправишь. Может, вспомнила, что и ее привезли в гарем шах-заде Селима тоже девочкой. До сих пор еще не была похожей на мать султана Сулеймана. Скорее старшая сестра. Всего лишь шестнадцать лет между матерью и сыном. В сорок два года она уже валиде.

Память начинается в человеке намного раньше всех радостей и несчастий, которые суждено ему пережить.

Она встала. Была такого же роста и так же тонка и изящна, как Рушен. Ибрагим почему-то подумал, что они должны понравиться друг другу. Поклонился валиде, проводил ее до перехода в святая святых.

Волочить за собой евнухов было противно, но доверить это дело никому не посмел. Молча проехал со своей свитой сквозь ворота янычар, мимо темной громады Айя-Софии, мимоobelisks ипподрома. Дома прогнал слуг, свел евнухов

валиде со своими, пошел от них на мужскую половину, ждал пронзительного девичьего крика, стонов, рыданий, но наверху царил тишина, и он не вытерпел, пошел туда. Черные евнухи с одеждой Рушен в руках ошалело гонялись за ней по тесной полутемной комнате, а девушка, встряхивая своими небрежно распущенными волосами, изгибаясь спиной и бедрами, убегала от них, из груди ее вырывался не то смех, не то всхлип, глаза пылали зеленым огнем, точно хотели испепелить нечестивцев, ноздри трепетали в изнеможении и отчаянье. Увидев Ибрагима, Рушен показала на него пальцем, затряслась в нервном смехе.

– И этот пришел! Чего пришел?

– Посмотреть на тебя в последний раз! – спокойно сказал Ибрагим.

– В первый!

– Да. Но и в последний!

– Так гляди. Те уже глядели! Искали во мне. Чего они искали?

Вели теперь удушить меня, как это у вас водится. – Не угадала. Пришли взять тебя в подарок.

Бассейн гарема. Художник Рудольф Эрнст

– Подарок? Разве я неживая?

– Имей терпение дослушать. Хочу тебе большого счастья.

– Счастья? Здесь?

– Не здесь. Поэтому и дарю тебя самому султану. В гарем падишаха.

– В гарем султана? Ха-ха-ха! Тогда зачем же раздевал?

– Посмотреть на твое тело.

– А что скажет султан?

– Должна молчать об этом. А теперь прощай. И оденься.

Он отвернулся и направился к ступенькам.

«И порядочные женщины благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах».

Книга

Человеку заповедано (и не наяву, а во сне, чтобы имело вид пророчества): читай! Не ведая, что, не зная, как, и где, и каким способом, – читай! Предназначение твое на земле и в мире: читай!

Читай на земле следы живые и мертвые, на камне и на песке, в листве деревьев и в травах, в солнечном мареве и в дождевой мгле, в течении рек, в глазах детей и женщин, в беге оленя, в прыжке льва, в пении птиц, в полыхании огня, в бесконечных просторах неба – читай!

Огненные литеры выжжены в твоём сердце и в мозгу, выйдут из сердца и мозга, засияют ярче всех самоцветов земли, запыхают ярче всех огней небесных – читай!

В книге будет о женщине и трапезе, о животных, среди которых тебе жить, о добыче и раскаянии, о громах небесных и темных ночах, о свете и пчеле, о преградах и вере, о мурашке и поколении, об ангелах и поэтах, о садах и дымах над костром, о вечных песках и победах на болотах, о горах и звездах над шатром, о луне, и железе, и охоте к приумножению, и вознесению, и падению, и страсти, и смерти неминуемой, и: «Знай, что жизнь ближайшая – забава и игра, и красование и похвальба среди вас, и состязание во множестве имущества и детей, наподобие дождя, растение, от которого приводит в восторг неверных; потом оно увядает, и

ты видишь его пожелтевшим, потом бывает оно соломой, а в последней – сильнее наказание и прощение от Аллаха, и благоволение, а жизнь ближняя – только пользование обманчивое».

Ученые хаджи читали Коран у султанских гробниц, поставленных на холмах Стамбула, где когда-то стояли византийские храмы.

Венецианские баилы – послы – собирали по городу сплетни, чтобы потом пересказывать их всей Европе.

Мудрый Кемаль-паша-заде вел дневник нового султана Сулеймана.

Кемаль-паша-заде пересказал для покойного султана «Гулистан» великого Саади. Написал поэму о любви Юсуфа и Зулейки, сделал множество толкований Корана и шариатского права – меджелле. Приставленный к Сулейману еще в Манисе, он поехал за новым султаном в Стамбул и сопровождал его во всех походах, тщательно записывая все хорошее и дурное, так что султан даже не выдержал и спросил у своего ближайшего славотворца, не заносит ли он в дневник также о султанских женах и детях.

– Ваше величество, – ответил Кемаль-паша-заде, – нужно, чтобы в вашей истории было хоть что-то человеческое, иначе в нее никто не поверит.

Первая запись о том, как Сулейман узнал, что стал султаном: «Выражение сомнения и подозрительности через мгновение угасло от острого сияния царевичева взгляда. Его вы-

пуклое чело наморщилось и нависло над орлиным носом; уста, тонкие и немилостивые, сами собой растянулись под длинными усами, как бы прикрывая предчувствие зла; по лицу цвета темной бронзы промелькнуло темное облачко; принц, который своею честностью и умением держать слово опровергал распространенное мнение о турецком вероломстве, никак не мог поверить в принесенную Ферхад-пашой весть, что умер султан, прозванный Несокрушимым».

Сулейман

В тот день, когда стал султаном, он почувствовал, что отныне время принадлежит ему. В определенных границах, конечно, пока время существует для него, то есть пока он сам жив. Но в этих пределах оно принадлежит ему безраздельно.

При рождении время не благоприятствовало Сулейману. Родился в совершенной безнадежности. Его отец Селим был самым младшим сыном султана Баязида, а из-за своего задиристого нрава еще и самым нелюбимым. После смерти Баязида власть должна была перейти если не к старшему сыну Коркуду, то к его брату Ахмеду, наиболее дорогому султанову сердцу. А при переходе власти в руки наследника все мужское поколение Османов, кроме семьи нового султана, безжалостно уничтожалось. Так завещал завоеватель Царьграда Мехмед Фатих, Сулейманов прадед: «Для всеобщего благополучия каждый из моих славных сыновей или внуков может истребить всех своих братьев». Первым должен был выполнить этот нечеловеческий завет сын Мехмеда Баязид. Но его брат Джем, которого он хотел задушить, выступил против него войной, домогаясь султанского трона для себя, когда же это ему не удалось, попросил убежища у рыцарей на Родосе, а они переправили Джема во Францию, откуда он попал к папе римскому и уже там умер таинственной смертью, может даже и отравленный по настоянию Баязида, который много

лет выплачивал всем, кто держал у себя в почетном плену Джема, невероятные деньги.

Точно так же обречен был и младший сын Баязида, Селим, обреченным должен был чувствовать себя уже от рождения и Сулейман. Может, это наложило отпечаток на всю его жизнь: был мрачен, задумчив, к людям относился с недоверием, не любил болтунов, задавак, преклонялся только перед мудростью и уже с детства погрузился в изучение законов, словно бы хотел этим спастись от видимой несправедливости и жестокости жизни, ибо у человечества ведь нет иной справедливости, кроме той, что записана в законах.

Его отец Селим, напротив, возлагал надежды не на безликую справедливость, а на силу. Он понимал, какая угроза нависает над ним, но не впадал в отчаяние, был убежден, что истинным преемником султанского трона должен быть именно он, а не его братья. Самый старший, Коркуд, не мог расстаться с их семейным гнездом, далекой Амасией, окружил себя там поэтами, мудрецами, бесполезными книгоедками, сам сочинял стихи, его рука умела держать лишь перо, а не меч – человек пропащий для власти навеки. Средний брат Ахмед, хоть и сидел под боком у старого султана и считался надеждой Турции, тоже больше интересовался книгами, мудростью и справедливостью, нежели мечом, его любил простой люд, но что такое простой люд там, где речь идет о власти! Зато Селим сумел стать любимцем янычарских орт, и когда янычарские аги, обеспокоенные тем, что султан Ба-

язид, подорвав здоровье разными излишествами, решил искать успокоения в опиуме, стали добиваться, чтобы Селим был возвращен в Стамбул, Ахмед подсказал султану, чтобы тот отослал брата в далекий Трабзон. Но впоследствии оказалось, что из-за недосмотра рядом с отцом – наместником в санджаке³⁵ Боли, соседнем с Трабзоном, был сын Селима Сулейман. Чтобы не допустить их объединения против Стамбула, султан и послал внука наместником в Кафу – в Крым. Там, за холодными волнами моря, шестнадцатилетний Сулейман должен был преисполниться еще большей безнадежности касательно своего будущего. Но с ним была его мать Хафса, дочь крымского хана Менгли-Гирея. Она выпросила у своего отца подмогу для Селима, татарские всадники, переправленные через море, ударили с Селимом на Стамбул, поддержанные там янычарами, принудили к бегству Ахмеда, и султан Баязид, старый, изнуренный недугами, никчемный, должен был уступить власть самому младшему сыну. Через месяц, отравленный по приказу сына, он умер на пути из Стамбула в Эдирне, в местечке Чорлу (через восемь лет на том самом месте умрет Селим). Селим велел привести пятерых сыновей своих ранее умерших братьев и задушить в сарае, у себя на глазах. Так же был задушен брат Коркуд, который попытался убежать, но был пойман и отдан в руки палачей. Брат Ахмед собрал войско и выступил против Селима, но в бою под Енишехиром был разбит, захвачен в

³⁵ *Санджак* – область.

плен, приведен вместе со своими сыновьями в шатер султана, и там в присутствии Селима все они были задушены.

Хуррем султан в исполнении Мерьем Узерли в сериале «Великолепный век»

Астролог, приглашенный сказать султану о его будущем, предрек, что, когда Селим умрет, на его теле будет столько кровавых знаков, сколько убил он своих братьев и племянников. «Зато приятнее властвовать, не боясь притязаний своих близких», – ответил Селим и велел задушить астролога. За первые три года своего владычества Селим удвоил империю. Жил в походах, в битвах, среди жестокостей, крови и страданий, ел и спал со своими воинами. Тешили его взор кровавые пожары, слух наслаждались стоны умирающих, он получал высокое удовольствие от созерцания того, как его янычары грабят персидские и армянские города, Дамаск, Александрию и Каир, хотя сам был равнодушен к богатству и роскоши, ел простой деревянной ложкой, не терпел изысканных кушаний, нежного мяса, был равнодушен и к женщинам. Единственно, что он любил, кроме войны и кровопролития, – это грубые воинские песни и темные исламские мудрствования. Как ни странно, любил поэтов, сам сочинял стихи, написал целый диван³⁶ – когда и как? Его звали Грозным, Жестоким, Страшным, Несокрушимым. Все это объединялось коротким, хлестким словом – Явуз. Не произвел на свет больше ни единого сына, не оставил по себе ни одной любимой жены, которая бы стала соперницей Хафсы, за восемь лет убил семь своих великих визирей, перед смертью

³⁶ *Диван* – здесь сборник стихов.

силой поставив на этот пост старого мудреца и поэта Пири Мехмед-пашу, чуждого распрям и борьбе за власть, полностью преданного тихой мудрости и высокой поэзии. В народе даже родилась поговорка: «А чтоб тебе быть визирем у султана Селима!»

Такое наследство получил Сулейман. Не было соперников, границы империи раздвинуты до пределов необозримых, все запугано и покорено, повсюду господствует сила, о справедливости забыто.

Оставил ли Селим какое-нибудь завещание своему сыну? Не держал сына возле себя, не приближал, упорно отсылал то в Румелию, то в Анатолию, всякий раз отсылая вместе с ним и мать его Хафсу, целых два десятка лет, до самой смерти своей, не подпускал ее к себе, равнодушный к ее привлекательности и красоте. Ведь что для него была красота в сравнении с великими державными делами!

Жил между небом и адом, освоил власть и смерть, породнил их в своем преступном величии. Ибо если низкое происхождение толкает человека к подлостям мизерным, то величие – к злу великому. Ведь сказано: «Держись же того, что тебе ниспослано!»

Чего мог ждать мир от сына такого человека?

Уже при вступлении на престол Сулейман был назван льстивыми мудрецами, которые всегда состязаются в получении почестей от новой власти, Сахиб Киран – Повелитель Века, тот, в ком наилучшим образом и с наибольшим успе-

хом сбудется число *десять*. Число же десять считается совершеннейшим в мусульманском мире, ибо этим числом завершаются циклы счета: десять пальцев на руках и ногах у человека, человек имеет десять чувств – пять внешних и пять внутренних. Коран делится на десять книг, в каждой из которых по десять сур. У Магомета было десять учеников. Войско делится по принципу десятков, сотен и тысяч. Насчитывается десять астрономических циклов, и десять гениев разума, согласно с древнейшими восточными символами, владеют теми циклами. «Божье провидение определило, что Сулейман будет рожден в первый год десятого века, по хиджре (90 год) и взойдет на престол как десятый властитель из династии Османов», – писал ученый раввин из Солуня Моисей Алмозино.

Венецианский баило доносил своему сенату о новом султани: «Он истинный турок, в наивысшей мере чтит закон, снисходителен к христианам, плохо относится к евреям, приумножает знания и все делает сознательно, упрям в своих намерениях. Ему двадцать шесть лет, от природы живой, раздражительный, лицом смугл, тюрбан носит надвинутым на глаза, что придает ему хмурый вид».

Тюрбан был замечен едва ли не прежде всего другого. У Селима тюрбан был круглый, как большой мяч, над ним высоко торчало острое шапки, пышное павлинье перо поддерживалось огромным изумрудом, любимым камнем султана. Селим носил тюрбан чуть ли не на макушке, намотанным

кое-как, даже слегка сдвинутым набекрень, оголяя лоб, словно янычар-забияка.

У Сулеймана тюрбан был намотан до самого верха шапки, белоснежная ткань ложилась ровно, тщательно, образуя изысканное сооружение, величественное и тяжелое, наполнившее на самые брови. Говаривали, что султан прикрывает им свою вечную раздвоенность, неуверенность, колебания перед принятием решений, внутреннюю муку, не дававшую ему ни подбодрить кого-либо как следует, ни напугать, как полагалось бы в его положении правителя. Но ведь был, наверное, и решителен по-своему, если уже с первых своих шагов в Стамбуле дал понять, что не станет смешивать силу со справедливостью, а разделит их без малейших сомнений и выжиданий. Два павлиньих пера на своем тюрбане украсил крупными рубинами, опять-таки подчеркивая, что не разделяет вкусов своего отца. Селимов изумруд был положен в сокровищницу султанского серая. Держался Сулейман холодно, был молчалив, словно бы равнодушный или сонный. Колебался или чего-то выжидал? Провинции беспрдельной его империи склонились перед новым султаном. Лишь сирийский наместник Джамберди Газали поднял бунт и провозгласил себя султаном. Газали, прозванный Славянином, оказал помощь покойному Селиму во время похода на Египет. Тогда он переметнулся от мамелюков к Османам, теперь же поднял восстание против нового султана с намерением сбросить с Сирии османское иго. Начал с того, что

перебил в Дамаске пять тысяч янычар, потом с пятнадцатью тысячами всадников и тысячью аркебузников пошел на Стамбул. Неопытный в военном деле Сулейман растерялся и даже струсил. Вынужден был послать против Газали своего зятя Ферхад-пашу, хотя, по обычаю своих предков, должен был сам повести войско, чтобы покарать изменника. Ферхад-паша в конце января 1521 года разбил Газали под Дамаском. Бунтовщик, переодетый дервишем, попытался бежать, но был пойман, приведен к султанскому сераскеру³⁷, где его уже ждал карающий меч. Ферхад-паша привез Сулейману голову Джамберди Газали, и радость нового султана была так велика, что он сразу решил было послать эту голову, как подтверждение своего непоколебимого могущества, в дар венецианскому дожу Лоредано. Баило Пресветлой Республики в Царьграде Марко Мини насилу отговорил молодого султана от столь варварского поступка. Сулейман спохватился и после того замкнулся в себе еще больше. Знал: мир следит за каждым его жестом, прислушивается к каждому слову, следовавшему с его уст. В этом радость, но и ужас власти.

Все же постепенно привыкал к власти. Не позволял между тем себе никаких излишеств, никакой пышности. Советовался с визирями, ходил в мечеть, время от времени упражнялся в стрельбе из лука, почти ежедневно бывал в султанских конюшнях – эту привычку приобрел еще в юности. Еще в Крыму научился сноровисто подковывать коней, любил

³⁷ *Сераскер* – главнокомандующий.

зайти в конюшню и заработать аспру, которая, как сам говорил, «не загрязнена была потом и кровью райи»³⁸. Из придворных ближе всех допускал к себе Ибрагима, почитал великого визиря Пири Мехмед-пашу, своего воспитателя Касим-пашу и летописца, мудрого Кемаль-пашу-заде. Его характера до конца, пожалуй, не знал никто, даже самый приближенный к нему Ибрагим; на вопрос Грити, как относится султан к женщинам, Ибрагим лишь пожал плечами.

– Не могу сказать. Пожалуй, он равнодушен к ним. Он не пренебрегает гаремом, но и не поддается чарам своих рабынь. Кажется, валиде Хафса была этим весьма обеспокоена, побаиваясь, чтобы сын не пошел в своего отца и не порвал с женским миром насовсем. По матери она черкешенка, поэтому вознамерилась разбудить в сыне мужчину, подыскав для него достойную жену из своего племени. Женщине почти всегда удастся добиться задуманного. Последние три года Сулейман постепенно становился рабом гарема. Ибо там появилась Махидевран.

– Я слышал это имя, – поглаживая бороду, сказал Грити с видом человека, для которого не существует тайн. – Слышал еще тогда, когда она была в Манисе. Я купец, а купец должен покупать также и вести обо всем, что происходит во круг. Особенно вести высокие. О Махидевран могут заговорить повсюду еще больше, чем о самом Сулеймане. Не так ли, Ибрагим?

³⁸ *Райя* – христианское феодально-зависимое население в Турецкой империи.

Ибрагим молча усмехнулся. В глубине души считая себя умнейшим из людей, с которыми он сталкивался, он не любил провидцев, а еще знал наверное: купить можно действительно все, даже наибольшие тайны, но купить знание грядущего еще никому не удавалось и не удастся никогда.

– Посмотрим, – уклончиво ответил он. – Сулейман только что сел на престоле Османов.

– Но ведь вы знаете султана как никто! – воскликнул Гри-ти. – Я не знаю даже собственных снов, – жестко ответил грек и повторил: – Даже собственных снов.

Махидевран

Пожалуй, знала до конца своего сына лишь валиде Хафса. Знание это досталось ей горько. Посвятила Сулейману всю жизнь, потемнела устами от многолетнего презрения, которое претерпевала от султана Селима, заведшего, по примеру деда своего Мехмеда Фатиха, целый гарем из миловидных юношей, отдала все силы души на служение единственному сыну, выстраивала здание его жизни упорно и заботливо. Не было обычной любви между матерью и сыном, объединяла их неизбежность, может, страх или даже ненависть, но разьединиться уже не могли: слишком боялись друг друга, слишком много лежало между ними тайн, которых не должен был знать мир.

Женщины не относились к тайнам, недоступными тоже не были для султанского внука, а впоследствии сына. Как только у Сулеймана начали пробиваться усы, он получил свой гарем, не пошевелив ради этого и пальцем. Сказано же: «...женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то – на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы».

Смолоду приученный к распутству, Сулейман, однако, не бросился в него алчно и исступленно, но и не пренебрегал женщинами, как его отец. Он мечтал и тосковал о переживаниях более чистых, утонченных и благородных; надоедли-

вых, тупых женщин-девочек, роскошных глупых одалисок было у него предостаточно, хотел теперь рядом с собой видеть женщину красивую и гордую, привлекательную и мудрую не только одним телом, но и сердцем, женщину, которая могла бы понять его и быть равной ему всюду и всюду сделать счастливым: за трапезой и в беседе, в постели и в державных делах, которые были предначертаны ему в будущем неминуемо.

Искать такую женщину не мог и не умел. Султаны и их сыновья не ищут жен. Это делают за них другие. Часто все решает простой случай. Валиде Хафса не могла полагаться на случай. Помог ей, как это ни невероятно, сам султан Селим. В неудержимой жажде завоевательства он замахнулся на землю, размерами равную его империи, а богатством и могуществом намного ее превышавшую, – на Египет. В Египте вот уже чуть ли не целых сто лет господствовали мамелюки из родного Хафсе племени черкесов. Прежние бедные наемники-воины с далекого Кавказа захватили власть в этой великой державе и распространили ее на все близлежащие земли со святынями мусульманскими и христианскими – Меккой и Иерусалимом. Селим, раззадоренный легкой победой над персидским шахом, повел своих янычар на мамелюцкого султана Кансуха ал-Гурия. Перед боем под Халесом султан сказал своим воинам: «Если нам суждено погибнуть – наше царство небесное; если же победим врага, нашим будет царство земное». Преданный наместником Халеба Ха-

ир-бегом, восьмидесятилетний султан Кансух ал-Гурия был разгромлен под Халобом, а нового мамелюцкого султана Турман-бея предал его воевода Джамберди Газали. Селим щедро вознаграждал предателей: Хаир-бега посадил наместником в Египте, а Джамберди Газали – в Дамаске, отдав ему всю Сирию. Селимов великий визирь Юнус-паша сказал султану: «Половина исламского войска погибла в боях и осталась в песчаных пустынях, и единственная польза от этого та, что Египет перешел во власть своих предателей». Селим велел задушить визиря за такие слова. Воспользовалась же разгромом мамелюцких султанов Египта совершенно неожиданно валиде Хафса. Как только она узнала о первой победе Селима под Халобом и о смерти Кансуха ал-Гурия, немедленно снарядила своих доверенных гонцов на далекий Кавказ, к своему племени, и велела передать старшинам: «Чего вы еще ждете в своих горах? Всемогуственный султан побил черкесских мамелюков, вскорости придет со своим исламским войском и на Кавказ. Шлите его сыну лучшую из своих девушек, так же непревзойденную красотой и достоинствами, как непревзойдена сила султанского войска».

Стены дворца Топкапы выложены прекрасными изразцами

Гонцы ездили долго, поскольку дорога из Манисы далекая, тяжелая и полна опасностей: пустыни, горные цепи, бурное море и еще горы, чужие, суровые, дико-неприступные. Как отыскать там маленькое племя черкесов, как до него достигнуть и приступить? Когда же вернулись, были с ними три брата-черкеса, привезшие завернутый в огромную мохнатую бурку живой дар. Духом далеких ветров, ночных коств, крепкой конской силы било от братьев и от того спрятанного в черной бурке дара, и валиде, хотя никогда не знала духа черкесского племени, хищно раздула ноздри – в женщине голос крови звучит и на расстоянии поколений.

Где та Маниса и что Маниса, а вот ведь донесся из нее голос султанской жены до неприступного каменного Кавказа, слышали его благородные черкесы, и хоть никому никогда не покорялись, столетиями вели жизнь дикую и кровавую, но слышали в этом голосе нечто, может, и близкое, мгновенно откликнулись и послали неведомому шах-заде, сидевшему в еще более неведомой Манисе, драгоценнейшую жемчужину своего племени.

Только один большой черный глаз увидела валиде Хафса в косматости бурки – скользнул по ней с холодным равнодушием, а ее ударило в самое сердце тем взглядом, почувствовала, как проснулась в ней кровь диких предков, вскипела и заиграла, как в танце кафенир, во время которого черкесы

делают признания в любви единственно дозволенным у них способом стрельбой перед избранницей.

Братья, гортанно перекликаясь, ловко размотали бурку, вытряхнули из нее одетую в узкий шелковый бешмет гла-застую тоненькую черкешенку, такую нежную, как лепесток розы, зацветающей по весне, когда еще не вялит и не обжи-гает зной, и валиде, хоть и была приучена к жестокой осман-ской сдержанности, не удержалась, воскликнула:

– Гюльбахар!

Гюльбахар означало – весенняя роза. Может, женщин все-гда следовало бы называть именами цветов, но эту девушку иначе никто бы и не назвал. Так и стала она с той первой минуты Весенней Розой – Гюльбахар.

Не дожидаясь, пока девушку вымоют и натрут благовони-ями, чтобы прогнать с нее дух просторов, принесенный из длительного путешествия, оденут в гаремные шелка и научат хотя бы турецкому приветствию, валиде показала Гюльбахар Сулейману. Побайвалась, что девушка смутится, растеряет-ся и покажется ее ученому сыну слишком дикой, но смутил-ся и растерялся Сулейман – так гордо повела себя с ним юная черкешенка, так холодно взглянула на него своими умными большими глазами, на дне которых залегла незамутненная, но уже неистовая чувственность.

У Гюльбахар не было выбора. Была привезена сюда для утех этому высокому понурому султанскому сыну, ею гор-дое ее племя кланялось будущему султану, была брошена в

бурную горную речку в надежде, что выберется на берег без чьей-либо помощи, послана в пасть львенку с верой в то, что не даст себя проглотить, а станет такой же хищной львицей, должна была повести себя здесь с достоинством, не чувствуя себя жертвой, поразить своего повелителя не одной лишь красотой и нетронутостью, но и врожденным умом, богатством души, которого если и не имела достаточно, то должна была обрести быстро, умело и незаметно. Знала для этого единственный способ: гордость, прикрываясь которой можно достичь всего на свете.

Она стала султаншей прежде, чем Сулейман султаном. Такая царственная походка была у нее, такой взгляд, голос. Валиде едва сдерживала дрожь, пронзавшую все ее тело. Кровь ее предков, ее собственная кровь пробудилась в этой гибкой девушке, в ее бархатных очах, в острых, твердых персях, в крепких бедрах, в розовых пальчиках смуглых ног, которые черкешенка с удовольствием показывала всем в гареме, расхаживая босиком, в широких шелковых шароварах и в длинных прозрачных сорочках с широкими рукавами. Смуглое тело проглядывало сквозь тонкую ткань черкесской сорочки так сладко, что Сулейман напрочь забыл о своей сдержанности и настороженности ко всему, что так или иначе посягало на его собственную свободу, он не мог оторваться от Гюльбахар, забыл даже о своем любимце Ибрагиме, о ночных бдениях с мудрыми знатоками законов и сладкоречивыми поэтами, об охоте и конных скачках, о стрельбе из лука

и подковывании коней.

Женщина, присланная для любви, должна любить. А если любит горячо и верно, должна рожать сыновей. Каждая одалиска хотела бы родить сына для шах-заде, чтобы самой стать законной женой – кадуной, а там и султаншей. Но семья Османов падает лишь в избранное лоно! Чего не смогли рабыни-одалиски, то совершила вольная черкешенка. За год родила Сулейману сына Мехмеда, потом еще одного сына, названного Мустафой, затем третьего Мурада. После второго ребенка из тоненькой, хрупкой, почти прозрачной девушки Гюльбахар неожиданно превратилась в полную, округлую, мягкую гаремную любимицу, но не утратила очарования для Сулеймана, продолжала рожать ему детей, и когда, уже будучи султаном, нетерпеливо ждал из Манисы свой гарем в столицу, она была в близком ожидании четвертого ребенка – и это за неполных четыре года!

И теперь почти никто не вспоминал ее нежного имени Гюльбахар, а называли по-новому, соответственно положению, которое заняла при дворе, Махидевран, то есть Госпожа Века.

Прибыла в Стамбул полновластной султаншей, уже не было у нее в памяти ничего о далеком своем и, собственно, нищем роде, ибо дала начало пышному роду султанскому, не знала она, что может значить ум для нее, ибо могла заменить его всемогущественной державой; не заботилась о душе, имея безраздельную власть; была чужда милосердию,

озабочена только раздачей повелений. Ходила по гарему низенькая, толстая, почти квадратная, увешанная драгоценностями, вся в золоте и самоцветах, бугрившихся на ее округлостях, точно острые камни на утоптанной горной дороге. Походка ее была царственной. Незаметно отдавала служанкам самые неожиданные повеления: подать чашу с напитком, поправить одежду, подложить подушку под ноги, погладить волосы, почесать за ухом, ласково пощекотать пятки.

И это должна была увидеть Настася, которая была приведена сюда ночью, черными, как ночь, евнухами, – они затолкали ее в какую-то длинную и неприветливую комнату, где вповалку спало с десятков, а то и больше растрепанных и злых (это проявилось утром) гаремных наложниц, а теперь выпустили в общие покои, где лениво слонялись молодые, небрежно одетые одалиски и где уже с утра царила эта толстая султанша. Если бы Настася не увидела Махидевран собственными глазами, она бы никогда не поверила, что на свете может существовать такая женщина. Но, удивившись и даже испугавшись поначалу, Настася, какой несчастной и униженной ни чувствовала она себя в то утро, дерзко поклялась в душе: «Научусь еще лучше!»

Одалиска-сербиянка сказала Настасе, что у Махидевран здесь семьдесят служанок.

– А у меня будет сто семьдесят, а то и больше! – засмеялась Настася.

Махидевран мгновенно отметила этот не свойственный

гарему смех, но не поинтересовалась новой рабыней. Да и зачем? Разве выпросить ее у валиде для самых унижительных прислуживаний? Но даже этого не позволила себе Махидевран. Ибо заметить – значит унижить себя, свою султанскую гордость, которая не имела ничего общего с прежней гордостью девушки из дикого горного племени, а стала высокомерием и важностью.

Так бедной Настасе суждено было столкнуться с чванливой черкешенкой, прежде чем увидела она повелительницу гарема валиде Хафсу и высочайшего властителя всех этих заблудших душ – султана Сулеймана. Пока не видела их, не верила до конца в то, что с нею случилось. Чванливая Махидевран даже развеселила девушку, и Настася еще долго, не в силах сдержаться, смеялась при воспоминании о черкешенке, и удивленные одалиски, ждавшие от новенькой вздохов, слез и отчаянья, а не веселья, называли ее уже в тот первый день Хуррем – веселая, смеющаяся.

С этим именем она должна была вскоре предстать перед всемогущей валиде. Слово *Хуррем* еще не предвещало беды никому: ни валиде Хафсе, ни султанским сестрам, ни жилистому старшему евнуху, чернокожему кизляр-аге, ни всемогущественной Махидевран. А между тем скрывалась в нем угроза, как во всем необычном, ибо необычное ломает установленный порядок, а это неизбежно влечет за собой несчастья для кого-то, особенно для женщин, которые всю свою жизнь тратят на отчаяннейшие усилия навести хоть какой-то

порядок в той смеси хаоса и случайностей, из которых и состоит, в сущности, жизнь, если на нее взглянуть глазом неподвзятым и немужским.

Молитва. Художник Жан-Леон Жером

Хуррем

Только попав за двойные, окованные железом двери султанского гарема, поняла Настася, какую возможность она потеряла на море, поняла и пожалела. Броситься бы с кадриги в разбушевавшиеся воды, понесло бы да понесло ее, как щепку, как того дельфинчика, подстреленного безжалостным Синам-агой, и не было бы ни позора, ни мук, ни неволи. Вспоминалась Марунька Голодова из Рогатина, обещенная гусаром. Зимой пропала, не могли найти, а по весне, когда взломало лед на пруду у мельницы Подгородского, всплыла она в водяной пене, и долго еще Настасе становилось жутко от одного воспоминания про Маруньку, слишком болела душа, когда думала, как страшно было Маруньке бросаться в прорубь, как рвалась, наверное, из-под льда и умирала, задыхаясь, – ни крика, ни жалобы, ни последнего рыдания. А теперь, может, и завидовала Маруньке!

Брошена была ночью за двойные, окованные железом двери, гремели тяжелые засовы на тех дверях. Будто в церковной ризнице или в богатых подвалах на Рогатинском рынке. Заснула только под утро на часок, попробовала побродить по дебрям гарема и ужаснулась. Целый мир! Запутанный, бесконечный, разделенный, монотонный и страшный в своей безвыходности. Длиннющий мабейн – коридор, освещенный окнами с крыши, по обе стороны множество комнат,

в одной из которых ночевала и она вместе с десятком таких же девушек. Дальше – помещение для служанок. Может, и она служанка, кто ж это знает? Гарем расползался не только по земле – он поднимался и выше, к султанским покоям, к покоям валиде и султанских жен и любимиц, евнухи не пускали туда никого постороннего, но Настася проскользнула вслед за водоносами – и там увидела уже в первое свое гаремное утро Махидевран, ужаснулась ее власти, сердце сжалось еще сильнее от отчаяния, но в то же время душа ее встрепенулась и захотелось жить, как никогда!

Ее повели купаться, какие-то престарелые ведьмы ощупывали каждую ее косточку, выщипывали каждый волосок на теле, она плескалась в теплой воде, брызгала на ведьм, они бормотали что-то по-турецки и немножко по-славянски – в гареме смешались языки турецкий и славянский, тут сошлись два мира, враждебных, чужих, непримиримых, но нужно было находить взаимопонимание хотя бы словами, ибо приходилось жить даже в ненависти и безнадёжности.

Настася плескалась в воде, напевала: «Ой, на горі ставочок, на ставочку млиночок, а в млиночку млинярка, мала ж вона три доньки. Одну дала до татар, другу дала до турок, третю дала до волох. Котру дала до татар, то тій дала весь товар, котру дала до турок, то тій дала сто курок, котру дала до волох, то тій дала сито блох». Может, когда уже нет не только собственной сорочки на теле, но и надежд, то тогда ты беззаботнейший человек на свете. В детстве часто сдуру

хотела умереть от малейшей обиды. Теперь, когда у нее не было ничего, даже самой возможности жить, жить неистово хотелось. Все люди, пожалуй, живут тем, что ждут: что-то должно произойти, какое-то событие, какая-то перемена, перелом в жизни, счастье, чудо. И ради этого можно вытерпеть все: голод, холод, унижения, позор, бедность, несправедливость, тоску. А неволю?

Жирный евнух просунулся в купальню, остановился у дверей, пялил буркалы на голую Настасю в потоках воды, слушал ее припевочки – удивлялся или возмущался? Пусть!

Душа в ней умерла, тело живет, хочет жить. Утренняя заря встает где-то над лесами, звери выходят на водопой, на охоту, и она тоже зверь, тоже хищник кровожадный! Уничтожено все вокруг нее, уничтожено все в ней, а она – живая и невредимая! Это ли не чудо! И мир вокруг теплый, как эта вода, большой, цветистый, как те дивные гаремные покои наверху, все в золоте, в каменной резьбе и таинственной красоте. Не принимать ничего близко к сердцу, не ждать милосердия, жить как эти людоловы, разбойники, звери, хищники! Стерпеть все, пожертвовать всем, но только не телом! Нет тела – нет тебя.

Если бы ей сказал кто-нибудь в Рогатине, что ее продадут раз, и другой, и третий, она бы даже не смеялась. А теперь это случилось. Жила в неволе лишь несколько месяцев, а впереди не видно конца. Должна была привыкать к мысли, что иной жизни теперь ей никто не даст никогда, и поэто-

му надо все свое отчаянье, всю свою гордость проявлять уже здесь, выказывать как можно более щедро, бороться, драться, толкаться, кусаться, грызться, чтобы прожить свой век хоть и в неизбежном унижении, зато и не без некоторых возмещений. Есть ли возмещение для свободы? Существует ли? И может ли существовать? Ограничена жизнь человеческая, и человек также ограничен. Только немногим суждено поломать и разрушить даже темницы, возвыситься над всеми и всем, проявить величие духа и устремиться в беспредельность свободы. Это великие люди. Но женщина неспособна на это. Настася не слышала о таких женщинах. Святые великомученицы? Они были жертвами, а она жертвой быть не хотела. Хоть и без надежды на освобождение, но надо жить. А на что надеяться? На случай? На чудо? На Бога? На дьявола?

Надеялась только на себя, на свой легкий нрав, на добрую душу, которая должна теперь соединить в себе, может, и зло с добром. Неосознанно избрала своей защитой ясный смех, заприметив, что этим удивляет всех вокруг и как бы склоняет к себе даже самые мрачные сердца. Можно дразнить людей, бросать им злые слова, дышать ненавистью, а можно радовать, веселить сердца, надеясь на добро, ибо кто бросает злость, получает тоже злость, кто показывает слезы, в ответ увидит тоже слезы, а кто дарит смех, неминуемо услышит в ответ тоже смех, может, и скрытый, подавленный, загнанный в глубину души.

Евнух приблизился к Настасиной купели, одной рукой подбирая полы широкого халата, неуклюже уклоняясь от своевольных брызг воды, другой алчно потянулся к шее девушки, точно хотел удушить ее, – Настася испуганно отшатнулась, но черные сильные пальцы уже вцепились в золотую цепочку, на которой висел золотой крестик, дернули раз и другой, рвали цепочку, вот-вот она не выдержит и рассыплется мелкими колечками, не соберешь!

– Не тронь! – крикнула Настася. – Ты его мне вешал? Схватила за крестик, как за свою душу. Выскочила из купели, тряхнула длинными красноватыми волосами, словно даже обожгла ими евнуха, тот попятился, забыв про крестик, заботясь лишь о том, чтобы не замочить свои расшитые золотом сафьянцы.

– Живо одевайся, тебя ждет ее величество валиде! – пропищал тонко.

Когда Настася увидела валиде Хафсу, ее потемневшие губы и жутко бледное лицо, поняла, что есть люди, которые никогда не смеются.

Валиде сидела на толстом белом ковре, обложенная парчовыми подушками, вся в темном, как и ее губы, жесткая и немилосердная. Настася огляделась в большом покое. Высокие окна с деревянными решетками – кафесами – внизу, над ними еще один ряд окон, полукруглых, с разноцветными стеклами, на которых змеи и червячки чужих букв, наверное, стихи из их Корана. Ужасная роспись стен в холод-

ных, как глаза валиде, красках. Множество низеньких столиков, шкафчиков, подставочек, все угловатое, восьмигранное, украшенное слоновой костью, перламутром, панцирем черепахи, серебром. Сделано было из дерева, было когда-то деревом, живым, растущим. Как ему было больно, когда калечили его тело, из округлостей вытесывали эти шероховатые восьмиугольники, врезали в живую плоть мертвые куски кости, панциря и холодного металла. Цвело, зеленело, шумело, а теперь мертвое, как эта окаменелая в своей неприступности султанская мать. А может, и она несчастная, как все здесь вокруг?

После купели Настася чувствовала себя как бы вновь рожденной. «Омывается и очищается в купели, в ее светлых водах...» Не могла вспомнить, как оно там дальше. Разве что из Книги Иова: «Зачем дан свет человеку, коего путь закрыт и коего Бог окружил тьмой». Лучше не вспоминать ничего и ни о чем. Забыть бы обо всем и радоваться жизни! Но как ты забудешь, очутившись перед этой каменной молчаливой женщиной с устами, точно из старого мертвого дерева...

Валиде указала Настасе, чтобы та села возле одного из столиков. Здесь повсюду господствовал язык знаков, язык презрения и угроз. Но что поделаешь? Настася свернулась в клубочек на ковре. Ей было холодно после купанья. Хотя бы спросила эта женщина, не замерзла ли она. Мерзнут ли они сами когда-нибудь? Или так и снуют по тем длиннющим полутемным переходам то босиком, то чуть ли не голыми? На

столике халва, обсыпанная сахаром, какието словно бы вяленые фрукты, длинношей медный графин, низенькие широкие чашки. Тошнило от одного взгляда на эти неживые лакомства. Утром тоже не могла ничего съесть, только выпила воды. Настася устраивалась поудобнее, улыбнулась не то болезненно, не то горько.

– Мне сказали, что тебя зовут Хуррем? – быстро проговорила валиде.

– Разве я знаю?

– Ты любишь смеяться?

Настася пожала плечами. Кто же не любит? – Правда, что ты королевская дочь?

Никакая женщина не может побороть любопытства, которое сидит в ней испокон века.

Ни подтверждения, ни отрицания. Смех почти издевательский. Отец звал ее королевной. А она – себя. Разве запрещено? Единственное утешение побыть королевной хотя бы в мыслях. Что еще ей оставалось? К тому же тут так холодно. Боже, как она замерзла! Чтобы не стучать зубами, разве что смеяться. Единственное спасение. Султанская мать вся в теплых мехах, она может сидеть тут сколько ей захочется, а Настасю тянет к печке. Прижаться спиной к теплему, выгнуться, потянуться.

Валиде не замечала чужих переживаний. Знала только собственные обиды. Смех нахальной девчонки оскорбил ее. Она сказала пренебрежительно:

– Смех – вещь недостойная человека. Это низшая ступень человеческой души. Он идет от дикого своеволия, а не от Бога. Аллах не смеется никогда. Ты знаешь об этом?

Настася снова пожала плечами. Засмеялась с вызовом. Разве она знает? Тут никогда не смеется их Аллах, у нее дома Бог тоже суровый, окружил себя великомучениками, не смеется никогда. Отец поучал, что смех от ада, а не от рая. А в раю – постное блаженство. Глаза под лоб, голова закинутая, рот раскрыт – от восторга или чтобы вскочила в него благодать? А ей теперь все безразлично. Благодати не дождется ниоткуда. Единственное, что осталось ей человеческого, – это смех.

Странная женщина вдруг неожиданно сказала:

– Смеешься – это хорошо. Имя дали тебе хорошее. Будешь здесь Хуррем.

Помолчала, внимательно изучая Настасю взглядом (какая же она Хуррем!), потом велела:

– Должна изучить языки. Турецкий и арабский.

Настася тряхнула волосами. Что там учиться! Разве ее этим испугаешь? Язык приходит сам по себе, незаметно, как дыхание. В Рогатине, когда шла к пекарю-караиму Чобанику, должна была говорить с ним по-караимски, с резниками Гесемом Шулимовичем и Мошком Бережанским хорошо было перекинуться словом по-еврейски, с сапожниками братьями Лукасянами по-армянски, викарий Скарбский учил ее латыни и немецкому, а польский знала и без того: полек-по-

друг было у нее больше, чем украинок-русинок. Разве испугается она какого-либо языка? Выучит – никто и не опомнится. А даст ли ей хоть какой-то язык утраченную волю, сможет ли вернуть ее?

Восточная красавица

– Умеешь петь и танцевать? – спросила валиде.

Спросила бы об этом сразу, чтобы не пропадать ей тут от холодища, не гнуться и не ежиться на полу. Вскочила на ноги, закружилась на ковре, напевая звонкую веснянку. А за окнами была мглистая зима, хотя деревья и зеленели вечной и от этого словно бы мертвой зеленью, и валиде тоже сидела под темной стеной, с темными губами, вся в темных мехах, как зима, женщина без весен, отныне и навеки!

– Подойди ко мне ближе, девочка, – позвала она, позвала голосом, глазами, кивком пальца, униженного перстнями с крупными самоцветами.

Настася подошла, остановилась, грудь ее вздымалась высоко, рвала тесные шелка, волосы золотыми волнами лились книзу, освещая живым блеском мрачный покой. Султанская мать рассматривала Настасю долго, внимательно и медленно.

– Гм. Дивные волосы, – молвила как бы себе самой. – Но ничего помимо них. Что ты умеешь?.. Ах, не все понимаешь? Умеешь хотя бы покачивать бедрами? Догадываешься, что разглядываю тебя для самого падишаха? Каждая юная красавица должна придавать блеск яркому свету его радостей. Ты не красавица, но у тебя особенное тело. Твоя нежная плоть, как удлиненное озеро наслаждения, должна согреть его усталость и наполнить душу горячей струей радо-

сти.

Валиде говорила скороговоркой, выталкивала из себя слова целыми охапками, так что если бы Настася и понимала по-турецки, то и тогда бы не разобрала всего. Уловила несколько уже знакомых слов, стало ей смешно, не утерпела, засмеялась над странным разговором немой с глухой.

Валиде хлопнула в ладоши, и в покое, неведомо откуда взявшийся, появился черный кизляр-ага, знакомый Настасе с ночи. Звериная ловкость и вкрадчивость были в его мощном теле, а в лице под белыми складками тюрбана что-то молящее, словно бы даже собачье. Лишь впоследствии Настася постигла, что это глаза. Не узнавала их, пока они предупредительно ловили каждое движение валиде, когда же остановились на ней, уставились на нее, прилипли, приклеились жестоко и неотступно, узнала вмиг и чуть не вскрикнула от неожиданности. Глаза Стамбула, настороженные, недоверчивые, подозрительные, острые. Глаза выслеживания, преследования, глаза неволи. От них не спрячешься, не освободишься, не убежишь, не спасешься, наверное, и в смерти.

– Пусть натрут ее тело маслом герани, мускусом и амброй, чтобы прогнать из него дикий дух степей, – сказала валиде (а Настасе хотелось закричать: «Лещины дух! Зеленых листьев и трав!») – Чтобы оно было как сад, в котором щебечут птицы блаженства, из которого нет сил выйти. Нужно также позаботиться, – спокойно наставляла кизляр-агу валиде, – чтобы Хуррем предстала перед падишахом в искусном пении и

танце, не допуская варварской нечестивости.

Кизляр-ага, прикладывая руку к груди, кланялся чуть ли не после каждого слова, послушно смотрел на валиде и в то же время каким-то непостижимым образом успевал бдительно следить и за Настасей, словно он был о четырех глазах. Так она и прозвала его в мыслях Четырехглазым, и таким он для нее остался навсегда. Отомстить им их же оружием. Назвали Хуррем, как только ступила она за кованные железом двери, и она будет называть их как ей вздумается.

Когда валиде махнула рукой, чтобы они уходили, Четырехглазый буркнул девушке на ломаном славянском:

– Иди за мной.

Научен всему. Еще не знала тогда, что и сам султан Сулейман кроме турецкого, персидского, арабского знал еще и сербский и при его дворе славянский язык звучал не реже, чем турецкий или арабский. Что побуждало султана к этому? Государственные нужды или его темное происхождение? Голос крови? Кто его знает! Настасе еще не было никакого дела ни до государственных нужд, ни до чьего бы то ни было происхождения. Забывала уже и свое собственное. По крайней мере все вокруг старались, чтобы она забыла.

Снова принялись ее мыть, парить, как репу, натирать душистыми благовониями так, словно должен был проглотить ее какой-то людоед, выщипывали брови, отбеливали и без того белое лицо, примеряли множество убранств – широких, легких, прозрачных, до того, что и сама она стала прозрач-

ной, словно бы светилась, и когда в садах гарема гулял буйный ветер, то поеживалась, потому что казалось ей, что тот ветер может теперь свободно пролететь сквозь нее. Цепляли на нее украшения. Пока недорогие, из тяжелого чеканного серебра. Серьги, браслеты на руки и на ноги. И снова перемеряли целые кипы тканей, завертывали ее в них, не жалели, были безумно щедры – роскошь и богатство султанского гарема не имели границ!

Затем приставили к ней старого олуха (все евнухи тут были старые или казались ей старыми) в синих шароварах, в белых шерстяных чулках, в трех халатах, надетых один поверх другого, в большущем синем тюрбане. Евнух вытащил на середину комнаты огромный стоячий барабан, взял длинную колотушку, опустился возле барабана на колено и стал что было силы колотить в натянутую бычью шкуру, показывая Настасе, чтобы она кружилась вокруг него, приспосабливаясь к ударам колотушки. А дудки! Если хочет, пусть приспосабливается сам! И Настася пустилась в такой неистовый танец, запела так громко и звонко, что евнух поначалу оторопел от столь неслыханной дерзости, но потом в нем проснулась профессиональная гордость, он попытался колотить в такт Настасиному кружению и пению, не успевал, сбивался, бранился, пробовал остановить своевольную девушку и тем распалял ее еще больше. Евнух вспотел, изпод тюрбана широкими струйками стекал на его черную физиономию пот, он глотал его и, уже потеряв малейшую надежду успеть за

этой козой, бухал в барабан как попало, сплевывал бессильно и грозил Настасе огромной своей колотушкой. Настася заливалась смехом. «Вот вам и Хуррем! Ну я уж вам покажу! Всем покажу!»

Думала, что издевается над одним лишь этим неуклюжим олухом, но забыла о вездесущих глазах гарема. А глаза не пропускали ничего, все замечали, все видели, увидели и то, что происходило между Настасей и барабанщиком, сообщили кизляр-аге, тот сообщил валиде, Хафса по обычаю долго думала, потом сказала:

– Вот и хорошо. Пусть такой ее и увидит его султанское величество.

Валиде неумоимо отдавала приказания. Днем и ночью, в будни и в праздники. И всегда стоял перед нею кизляр-ага, прижимал руки к груди и кланялся. Так же кланялся и перед султаном, но тот не звал главного евнуха, не спешил в гарем, если и хотел кого видеть, то только свою возлюбленную Махидевран, которая после этого проявляла власть еще более неумеренную, превосходя самое валиде.

Весенние ветры повеяли над Стамбулом, над садами серая, над душами счастливыми и несчастными, когда султан пожелал побывать в Баб-ус-сааде. Настася очутилась в зале приемов впервые. Два ряда окон, галереи с резными решетками, оранжевые фаянсы в цветах и травах, кружева резного камня и дерева, ковры, столики с лакомствами, курильницы, посередине возвышение для танцев, рядом высокий трон

для султана, низенькие стульчики для валиде, султанских сестер и Махидевран. Евнухи сбили в кучу одалисок, певиц, танцовщиц; приглушенные голоса, подавляемые вздохи, неслышные шаги ног, обутых в мягкие сафьяновые туфельки; пришла Махидевран, проплыла к своему месту; валиде привела султанских сестер Хафизу и Хатиджу, ожидание было тягостным, напряженным, невыносимым. Хотя на дворе стояла теплынь, в зале были натоплены высокие печи. Было душно. Ароматы из курильниц, мази с запахом цветов и заморских пряностей – все смешалось. Настася даже вздохнуть боялась – куда она попала! Тонкостанные, пышнобедрые роскошные одалиски с размалеванными лицами, в шелках, в белых, желтых и черных жемчугах, с зелеными, голубыми, красными самоцветами (за ночь любви), в золоте, парче, в кисее, в тонких шالях, все прозрачно, ничто не спрятано и не укрыто. Все ждало султана, только его одного, все готовилось для него, состязалось за него. Какой ужас, какой позор и какое унижение!

Султан явился в зале, как дух святой, – незаметно, внезапно, чуть ли не сверхъестественно. Настася никак не могла привыкнуть к тому, что люди в гареме появляются всегда неожиданно, ниоткуда, словно бы из ничего. Для этого устроено было здесь множество потайных дверей, укрытий, тяжелых занавесей из плотных тканей, поднятых под самые потолки галерей и переходов, отовсюду поблескивали чьи-то глаза, улавливалось чужое дыхание, шевелились сте-

ны, призраки жили в каждой щели, готовые мгновенно стать плотью, враждебной и ненавистной. Можно ли когда-нибудь привыкнуть к такому, не сойдя с ума?

Султана сопровождал Четырехглазый. Появился незаметным и исчез, во мгновение ока очутился около своих евнухов, которые стерегли одалисок, расставляли их так и этак, резким шепотом передавали повеления валиде, кому, когда, что и как делать и как себя вести. А султан, между тем, усаживался на свой гаремный трон – высокий, весь в блеске золота, сам тоже весь в золоте, в широченных, до самой земли, тяжелых от золотого шитья халатах, в невероятно высоком тюрбане, на котором кроваво поблескивали две нитки рубинов, а еще один рубин, может самый большой на свете, пылал на безымянном пальце султана, точно кровавый глаз, уставившийся в пеструю девичью толпу, понуро выискивая там несчастные жертвы.

Как только Сулейман прикоснулся к своему насесту, валиде подала знак кизляр-аге, тот толкнул ближайшего евнуха, все задвигалось, заволновалось, на возвышение выпорхнуло несколько скупо одетых девчушек, где-то зачастили барабаны, гнусаво запела зурна, начался танец.

Султан то ли смотрел, то ли не смотрел. Сидел окаменело, тюрбан оттягивал ему голову, был, наверное, тяжелый, как камень, нависал над миром, будто все османство с его жестокостью, ненасытной алчностью. Он не шевельнулся и тогда, когда безмолвных танцовщиц сменили поющие и когда ев-

нухи для разнообразия стали выпускать одалисок меньшими стайками, по две, по три. Он не скрывал величия, как немыслимая гора среди беспредельной равнины, как нечаянное откровение. Был ничей, холодный и одинокий, как руки, поднятые к звездам, как дождь, что оторвался от тучи и не упал на землю, как слабый листок, занесенный из печальных осенних садов в разбушевавшееся море. Настасе стало жутко от созерцания этого всемогущего человека. Зачем-то подкладывал под себя правую руку, точно маленький мальчик. Грел ее, что ли? А может, прятал, чтобы не выдать себя преждевременно нетерпеливым жестом, взмахом, которого не хотел, повелением, к которому не был подготовлен? Настасе даже жаль стало этого человека. Чем-то напомнил ей викария Скарбского. Такой же одинокий здесь, в своих недоступных другим знаниях, такой же высокий, задумчивый, суровый. Только тот всегда бритый, а этот с усами, длинными, мрачными и немилосердными.

А вокруг звучали песни, нудные и тоскливые, как неволя. Песни о чистой любви, какой никогда не было в султанских дворцах, только дикое неистовство самцов и поругание. Настася и не прислушивалась к ним, была равнодушна и к тому, что евнухи так же вытолкают со временем на середину и ее, и будет она кружиться вокруг огромного барабана, в который бьет, обливаясь потом, тот старый олух в белых шерстяных чулках.

Фаворитка. Художник Рудольф Эрнст

Но тут вылетела на возвышение одалиска Гульфем, первая по своей красоте в гареме, соперница самой Махидевран, та самая Гульфем, каждый жест которой сопровождался горячим завистливым перешептыванием, высокая, яркая, вся огонь и красота – лицом, бровями, глазами, жадным ртом, жемчужными зубами, чувственным носом, волосами, как ароматная ночь, телом еще более жадным, чем ее алые губы, она еще и не пела, и не закружилась в танце, только занесла над головой, удлинив до бесконечности гибкие белые руки, маленький бубен, еще и не прикоснулась к нему своими длинными холеными пальчиками, не прозвучал еще ни единый звук, а невозмутимый и неподвижный дотоле султан дернул головой, дернулся весь, передвинулся на троне, подложил под себя уже не одну, а обе руки, и лишь теперь в Настасе пробудился дух соперничества, дух борьбы, гордости и достоинства. Что ей та Гульфем? Красивая, здоровая, нахальная? Пусть! И что ей здесь все? Что сам этот мрачный человек с закутанной, как поповский младенец, головой?! Всех превзойти, победить, всех попать! Показать всем! Чтоб они знали! Хуррем? Пусть знают, какова Хуррем и что она может! Если бы не эта Гульфем, если бы Настасю вытолкнули до красавицы одалиски, она бы пропела свое без огня и без охоты, была бы просто еще одной из этой толпы, но, к счастью или к несчастью, кто-то (валиде – кто же еще!)

сделал так, что та Гульфем своим торжеством, своею победой без борьбы зажгла в душе Настаси такое неистовое пламя, что если оно и не сожжет кого-нибудь постороннего, то уж ее самое наверняка.

Уже и не слышала, как пела Гульфем, не видела, как бесстыдно изгибалась перед султаном, не заметила и движения султановой руки, вслед за которым возле повелителя мгновенно оказался кизляр-ага и подал султану легонький платочек из цветастой кисеи. Султан передвинулся на троне, как будто готовился встать, что-то сделать. Настася не знала, что именно, но и не зная испугалась так, что прыгнула на подмости, где томно изгибалась Гульфем, а евнух в белых шерстяных носках, боясь отстать от Хуррем, мигом поволок за нею свой барабан, натолкнулся на разгневанную Гульфем, аж загудело в пустоте его инструмента, и для Гульфем все пропало. Валиде усмехнулась чуть заметно, Махидевран засмеялась неприкрыто, султанские сестры переглянулись с улыбкой в глазах. Сулейман хоть и не поддался смеху, овладевшему приближенными его женщинами, но передумал вставать, остался сидеть, устроился еще удобнее и плотнее. И тут Настася запела голосом высоким и печальным, барабан ударил, маленькая гибкая фигурка пошла, изгибаясь, по кругу, понеслась, полетела, как луч, как сияние, быстрее, быстрее, и уже летел один только голос на золотой волне, никто не видел Настасю, только слышали глубокий ее голос, а она не слышала себя, не видела никого и ничего,

лишь всю себя, змеи красного света струились по ее волосам, тени падали к ногам, как свитки темного шелка, гигантский барабан гудел, как ее маленькое неудержимое сердце, широкие алые шаровары пугливо трепетали вокруг ее ног, а голос рвался из тех страхов, забирался выше и выше, точно хотел вырваться из огромной клетки гарема, оставив на самом дне его свою хозяйку и обладательницу. Но голос не вырвался, Настася не хотела его пускать, он должен был быть вместе с ней и в наибольшем горе, как был когда-то во всех радостях. Ударил свет, резкий, звонкий, евнух в белых шерстяных чулках мигом потащил свой барабан прочь, Настася, сама не ведая, как и когда, очутилась в тяжелом облаке ароматов, которыми дышали тела одалисок, посреди зала вновь кружилась стайка грациозных танцовщиц-грузинок. Султан сидел на своем троне, такой же задумчивый и равнодушный, и пестрый платочек, поданный ему кизляр-агой, словно крыло убитой райской птицы, свисал с подлокотника трона. Вокруг Настаси царила настороженность, напряженное выживание, слышался тихий шепот, сбитые в кучу тесно и плотно, как овечья отара, одалиски не решались ни пошевелиться, ни дохнуть вольно, только сияющая Гульфем, обнаружив, что Настася оказалась ближе к султану, чем она, почти нагло протолкалась туда и заслонила ее своим роскошным телом, выставясь на глаза Сулейману, не пугаясь испепеляющих взглядов Махидевран, которая не терпела соперниц, даже временных и без значения. Султан, точно зачарован-

ный зрелищем цветущей Гульфем, медленно встал, махнул слабо рукой, словно искал в воздухе что-то невидимое. Кизляр-ага, мгновенно очутившийся возле Сулеймана, подхватил прозрачный цветастый платочек, оставленный султаном там, где он лежал, и пошел за своим повелителем, держась почтительно за его правым плечом.

Танец не прекращался, поэтому султан какое-то время, стоя, присматривался к тоненьким танцовщицам, но, наверное, стало ему скучно от неразличимого мелькания рук, ног, лиц, оголенных грудей, жадно раскрытых глаз, разомкнутых губ. Он медленно пошел к толпе одалисок, шел словно бы прямо на Гульфем и смотрел, казалось, только на ее черную густую гриву, но неожиданно миновал одалиску, толпа расступилась перед ним, как Красное море перед Моисеем, султан отважно углубился в это море нежности, красоты, вождения, надежд, отчаяния, его тонкие губы под длинными усами незаметно складывались в улыбку, но кому предназначалась та улыбка, кого ждали счастье, вознесение и взлет? Сулейман бродил

среди полуоголенных девичьих тел, как слепой, едва не ошупью, никого не видел, не замечал, снова свернул туда, где была Гульфем, и та горделиво выпятила грудь, эту западню сладострастия, в которую неминуемо должен был попасть султан, но он не дошел до нее, неожиданно взмахнул правой рукой наискосок снизу вверх, кизлярага, бросившись на этот взмах, мгновенно вложил в султанову руку кисей-

ный платочек, кисея повисла на какое-то время в пространстве, все глаза летели к платочку и упали вслед за ним, как подстреленные безжалостным стрелком, упали, чтобы увидеть... Бдительно и строго хранит свои тайны гарем, но даже за гаремные стены проник взгляд Сулейманова личного биографа, который не смог удержаться, чтобы не описать событие, с которого началось вознесение никому не ведомой рабыни с Украины:

«Однажды, похаживая между черкешенками и грузинками, девушками, чья красота в Царьграде считалась классической, султан внезапно остановился перед нежным и милым лицом. Он опустил взгляд на лицо, поднятое к нему, лицо без видимой красоты, но с искусительной улыбкой, зеленые глаза, затененные длинными ресницами, обращались к нему не только шаловливо, но и дерзко. И он, видевший столько взглядов, полных страсти, муки и унижения, неожиданно поддался тем смеющимся глазам девушки, которую в гареме называли Хуррем. Платочек, легкий, как паутинка, оставил на нежном плече той, кого весь мир вскоре назовет Роксоланой».

Услышать звук скрипок, когда поцелует тебя белозубый и чернокудрый, засмеяться от радости и восторга... Какая девушка не мечтала об этом? А тут тяжелое, как смерть, молчание и кисейный платочек, неслышно опустившийся на твое голое худенькое плечо, и больше ничего. Разве что завистливые взгляды, и ненависть Гульфем, и еще большая ненависть

Махидевран, и нескрываемое удивление всегда невозмутимой валиде. Неужели обычному платочку придают здесь такое значение?

Султан отошел в величии и неприступности. Поднялась валиде, поднялись султановы сестры и Махидевран. Евнухи погнали одалисок к их пристанищам, пошла в толпе и Настася-Хуррем. Ничего не изменилось, только был у нее на плече прозрачный платочек, к которому, как заметила Настася, не решались прикоснуться ни одалиски, ни евнухи, ни даже сама валиде, кивнувшая девушке милостиво, когда проходила мимо. Неужели такая сила в лоскуте прозрачной кисеи?

Кизляр-ага сопровождал султана к его опочивальне. Там ему было сказано: «Хочу, чтобы мне сегодня вернули платок». И хотя никто, кроме кизляр-аги, не слышал этих слов, весь гарем знал, что они будут произнесены, только Настася не ведала ничего и весьма удивилась, когда сама валиде пришла к ней в комнату, сопровождаемая старыми женщинами, опытными в одевании и натирации одалисок, и повела девушку за собой, и сама присматривала, как расчесывают, перечесывают ей волосы, как натирают ее мазями и благовониями, как примеряют широченные, безбрежные, невестомые ткани, забрав у Настаси даже ту прозрачную одежду, которая была на ней в зале приемов.

Пришел Четырехглазый и повел Настасю наверх по скрипучим деревянным ступенькам. Он был бос, ступал по коврам неслышно, чуть ли не крадучись, босой была и Настася.

Куда ее вели – к счастью или к преступлению?

Когда она родилась, мышка пробежала через светлицу, и бабкаповитуха сказала, что это добрый знак.

Хотя шла по коврам, босые ноги мерзли и всю ее била дрожь, точно ступала по льду. Шла как на виселицу. Как на убой. Шла или вели?

Каждую весну бегали они на Гнилую Липу, чтобы не пропустить начало ледохода. Но река высвобождалась из-под зимнего панциря всегда ночью, и наутро только глыбы темного льда плыли в темной воде. И все вокруг было темным, черным: земля, деревья, вода. Но чернота какая-то мягкая, словно бы нежная, даже сердце сжималось, и хотелось плакать и смеяться. Цинь-цинь, синичка!

Когда кизляр-ага ввел ее в огромную полутемную ложницу, всю в тяжелых, расшитых золотом тканях, в коврах, в дурманных ароматах, расплывавшихся из больших бронзовых курильниц, она засмеялась громко, дерзко. Это был смех испуга и отчаянья (ох, как же она замерзла!), но никто не уловил этого, потому что для кизляраги смех нечестивой прозвучал оскорблением его султанского величества, а Сулейману тот серебряный звон наполнил хмурую душу такой щедростью, эхо которой будет звучать еще много лет, на расстояния немеренные и непредвиденные.

Он прочитал первую суру Корана:

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров милостивому, милосердному, царю в

день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты благодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

Кизляр-ага ловко и умело сдернул с Настаси все те широкие ткани и на голые плечи накинул ей султанскую прозрачную кисею, шепнув сурово:

— Отдай падишаху его платок!

И исчез, оставляя девушку с глазу на глаз с чужим для нее мужчиной.

Султан полулежал теперь на широченном, высоком ложе, на трех тюфяках, положенных один на другой, два нижних набиты ватой, верхний — пухом, лежал на простынях из тонкого полотна, с множеством подушек, подложенных под бока, под плечи и под голову, все в зеленых тонах — цвет Османов.

Султан, «опираясь на зеленые подушки и прекрасные ковры», смотрел на обнаженную Настасю (ибо что та кисея!) так неотрывно, что она замечала только его взгляд и поначалу даже не поняла, что на нем нет его ужасающего тюрбана.

— Подойди! — велел он.

Голос у него был приглушенный, говорил он нехотя. Лишь теперь она заметила, что на султана нет тюрбана. Голова у него была продолговатая, как дыня. Настася чуть не засмеялась. Но было так холодно, что она не в состоянии была даже сделать гримасу, лишь дрожала всем телом.

– Подойди! – снова сказал султан. – Чего же ты?

– Мне холодно, – цокая зубами, ответила она.

Он молча перегнулся на ту сторону ложа, протянул вниз свои длинные руки, поднял чашу, подал Настасе:

– Иди выпей и согрейся!

И она пошла. Сама не знала, почему послушалась его голоса.

Ковру не было конца. Тускло горели спрятанные где-то в углах ложницы светильники, рассеивая красноватый свет, она брела в том свете, как в собственной крови, ступала нетвердо, всю ее шатало, и дрожь была все сильнее и сильнее. Наткнулась на мраморный фонтан посреди ложницы. Даже не заметила его, когда вошла. Не знала теперь, как обойти.

– Чего же ты? – снова сказал султан так же бесцветно и равнодушно. Не бойся меня. Иди ближе. Смелее. Выпей это.

«Скромноокие, которых не коснулся ни человек, ни джинн».

Будни гарема. Художник Кинтана Блас Оллерас

Вслепую она ткнулась в берег ложа, обеими руками держала тяжелую чашу, пила, проливая себе на ноги, на ковер, почувствовала на своем нетронutom, пугливом теле сухую, теплую руку, была не в силах сопротивляться той руке, которая опрокинула ее на край ложа, и султан тоже почувствовал пугливость ее тела и тоже не мог (или не хотел) сдерживать свою страсть, не мог ждать, «когда упадет падающее...».

– Отдай мой платок, – сказал тихо девушке, и уже не бы-

ло между ними ничего, и лукавые линии ее маленького тела уничтожились его телом, сильным и безжалостным, и только вскрик и всхлип, и небеса разверзлись, земля расступилась – и вздох прошелестел в пространстве, в садах, во дворцах, всюду вздох, ее вздох. Бури, дожди, воды, страх, нетронутость, потоки и потопа и тишина, как на краю света, – она уже женщина. Бросить девушку в постель к чужому и враждебному – убить в ее душе Бога. Звери ревели в подземельях серая, как бы напоминая, что не ступишь по этой земле шагу, чтобы не наткнуться на чудовище. Бешеный ветер бил в ворота, дудел тяжело и скорбно, и плакали дерево, медь, железо, стонали задвижки и засовы, а у нее стонала душа. Но Настасья молчала, ни стоны, ни вздоха, не зная, куда податься, жалась к султану, и лежали они долго-долго, прижатые друг к другу так плотно, что не оставалось между ними места ни для страха, ни даже для несчастья. Ибо мир все равно прекрасен даже тогда, когда жизнь печальна, тяжела и невыносима. «И создали мы вас парами».

Любовь, молитва и война начинаются всегда прекрасно. А кончаются?

Султан хотел думать об этой девушке, лежавшей в его постели, но не мог. Что-то мешало, а что именно – не мог определить. Может, ее молчаливость? Женщины всегда невыносимо болтливы, он не терпел их болтовни, может, потому, глубоко в душе будучи чуть ли не распутником, из всех сил сдерживал себя и выказывал к женщинам холодное без-

различие. Идолы не разочаровывают только потому, что они безмолвны. Может, и эта девушка такой маленький идол? Но она слишком маленькая, чтобы вознестись до его высот и служить ему идолом. Была и не была. Одна эта ночь для нее останется воспоминанием величайшего (ибо недоступно!) счастья, а для него – просто одной ночью, не более.

Султан не мог разрешить, чтобы женщина видела его спящим. После утех кизляр-ага выпроваживал женщин в их покои. Так же выпроводил он и Настасю, ставшую уже теперь навсегда и навеки Хуррем. Не проронила султану ни слова, чем подивила его и немного рассердила. Но все равно велел, чтобы определили ей отдельный покой и выдали из сокровищницы большие рубиновые сережки и рубиновый перстень – любимые камни Сулеймана. «И вознаградил их за то, что они вытерпели, садом и шелком».

Теперь кизляр-ага принес для Настаси теплую одежду, которую ловко набросил на нее, дал ей и обувь, но она оттолкнула шитые бисером сафьяновые туфельки, пошла назад босиком, потому что уже не мерзли ее ноги, а пылали, как и все тело, огнем.

Ни в каких султанских дневниках нет записи об этой ночи. И сам Сулейман забыл о ней уже утром.

Колонна

Кто мог заглянуть в султанову душу? Даже валиде и Ибрагим, люди, стоящие ближе всех к Сулейману, не могли сказать с уверенностью, как поведет он себя на высоком троне, какие сделает первые шаги, кого возьмет себе за образец: покойного отца своего султана Селима, кого-то другого из султанов, Железного Тимура или знаменитого Искендера?

А сам Сулейман, между тем, видел перед собой только Мехмеда Фатиха, завоевателя Царьграда, султана, который никогда не впадал в отчаянье, даже поражения умел превращать в победы, не терял впустую ни единого дня, ни единой минуты, и когда оставался без власти, заботился о собственных знаниях, а когда готовился к величайшему деянию своей жизни – взятию Царьграда – сам носил камни для сооружения крепости Румелихисар и сам тесал доски для кораблей, которым предстояло пройти по суше к столице императоров, наполнив сердца греков мистическим ужасом. Сулейман любил повторять про себя царское стихотворение, прочитанное Мехмедом Фатихом, когда тот вошел в поверженный Царьград:

Сова кричит невбет³⁹ на могиле Афрасиаба,

³⁹ *Невбет* – обычай ежедневно бить в барабан в знак торжества независимости. Здесь ирония: сова кричит невбет – знак утраты независимости.

И паук несет службу пердедара⁴⁰ в императорском дворце. Все суета, кроме содеянного Османами. Первое, что сделал Фатих, войдя в Царьград, – превратил самый большой храм нечестивых в мечеть Айя-София. Не разрушил его лишь потому, что свод в храме напоминал небесный. Зато храм Апостолов, который византийцы в бессмертной своей гордыне считали воплощением красоты и гармонии (для Софии оставляли величие), велел немедленно разрушить и поставить на том месте мечеть Фатиха. После его смерти возле михраба⁴¹ мечети поставили тюрбе султана – его усыпальницу. Когда-то в церкви Апостолов хоронили византийских императоров, теперь тут лежал Завоеватель. Без пышности, только в сопровождении верного Ибрагима и личной охраны, Сулейман часто ездил к тюрбе Фатиха. Огромный город отступал от него, затаивался в своей непостижимости, залегал в неподвижности, как солнечные часы. Только тень передвигается по кругу. Вневременность, мертвенность. Однообразие мечетей, минаретов, фонтанов, журчания воды и крика муэдзинов вызывало какой-то удивительный трепет этого города, монотонность, нарушаемую хаосом, мешаниной, приглушенным уличным шумом, далеким клетотом пестрой толпы, шелестом дорогих тканей, шепотом доносчиков, ударами чаушей, смехом блудниц, стоном невольничьих рын-

⁴⁰ *Пердедар* – слуга, раздвигающий занавесы во дворце.

⁴¹ *Михраб* – обращенная в сторону Мекки часть мечети, типа алтаря в христианских храмах (*араб.*).

ков, любовных вздохов, чавканьем псов и людей, стихами Корана.

В Стамбуле все призрачно, кроме самого Стамбула, гидра и Молох, рай и ад, место пыток и роскоши. Как задержать время жизни? Над этим бьются все, от султана до нищего, а знает это только сам Стамбул. Мехмед Фатих завоевал этот город, но завладел ли им до глубины? И кто завладеет и овладеет?

Сулейман часами простаивал в восьмигранном тюрье Фатиха. Молча ждал ответа на то, что раздирало ему сердце, чем не мог поделиться ни с кем из живых. Приходил к мертвому.

Гробница, приподнятая в широкой своей части так, словно бы Фатих должен был вот-вот подняться, покрыта белым кашемиром, сверху небольшой ковер и зеленая шаль – цвет Османов. В головах большие, толстые, из бараньего сала свечи (не восковые, ибо Аллаху должен приноситься в жертву домашний скот, а не мухи) в подсвечниках из ляпис-лазури, камня египетских фараонов. Тюрьбан, точно опрокинутая чаша, висит вверху. На ковре цвета земляники ходжа днем и ночью читает Коран. «Скажи: «Он – Аллах – един, Аллах вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!» Десять, сто, тысячу раз ту самую суру «Очищение веры» читает ходжа, и так же повторяет за ним слова книги султан, пока скучающий Ибрагим, терпеливо стоящий рядом, разрешает нелегкую задачу: может ли человек, без кон-

да повторяя те же самые слова, о чем-то думать, вообще может ли выполнять свое назначение на земле – мыслить, возносясь над миром живым и неживым, если и не равняясь Богу, то по крайней мере приближаясь к нему?

В мечеть Фатиха Сулейман ездил и осенью, и зимой, и весной, наверное, всякий раз, подъезжая к Фатиху и возвращаясь оттуда, видел высоченную порфиновую колонну Кызташи, одиноко стоявшую неподалеку от мечети, но ни разу не обратил на нее внимания, как не обращал видимого внимания на все, что попадалось ему на пути. Мало ли колонн в Стамбуле, каких не укрыло османство в своих священных строениях, и теперь эти камни нечестивых торчали повсюду: и по сторонам дороги, по которой ездил Сулейман на Ок-Мейдан, – белые мраморные колонны, которые ничего не поддерживали; и колонна императора Константина, называемая Чемберли-таш, – камень с обручами – окована была железными обручами после того, как молния отбила ее верхушку и как опалило ее пожаром во время восстания Никки; и готтская колонна под стенами гарема, вырезанная из сплошного гранитного блока, когда-то на ней якобы стояла статуя основателя города Бизаса; и змеиная колонна – три переплетенные бронзовые змеи, державшие когда-то на себе золотую чашу, четыре ступни в поперечнике, и уже давно утратившие ее, ибо все суета и временность. Пурпурная, как закипевшая кровь, колонна Кызташи держала когда-то на себе статую девственности, греческую богиню Афродиту.

Обладала волшебной способностью указывать даже в самой большой толпе на девушек, утративших невинность. Афродита клала на них свою тень, и они не могли ни укрыться, ни убежать. Так была изобличена невестка императора Юстина, и толпа растерзала ее у подножия этой колонны. Эти глупые басни не задерживались в Сулеймановой голове. Может, потому и проезжал множество раз мимо колонны совершенно равнодушно. Заметил ее лишь в тот день, когда окончательно утвердился в намерении вести из Стамбула огромное, еще султаном Селимом обученное, а сейчас разленившееся и нетерпеливо ждущее добычи и грабежей войско, вести не туда, куда со странным упорством направлял удары его отец, – против единоверцев, а продолжая великое дело Фатиха – против мира неверных. Но об этом не знал еще никто, сам султан, упорно молчавший, выжидал подходящего момента, когда сможет объявить о своем намерении, а может, ждал какого-то знака, что подаст Фатих, поэтому и ездил поклоняться его праху так часто и упорно.

Кружка. Османская империя, XVI век

И внезапно увидел эту колонну. Он остановился и долго

смотрел на нее, закинув голову так, что чуть не падал его высоченный белый тюбан, рассматривал ее, забыв о высоком султанском достоинстве, как уличный босоногий чоджук⁴², только и разницы, что не разевал рот от изумления или восторга перед высотой, крепостью и могуществом колонны, ее кровавым цветом и ее одиночеством, что было как вызов.

Не знак ли это, оставленный ему, четвертому султану со дня взятия Царьграда, султаном первым, султаном Завоевателем, великим Фатихом? Именно здесь прежде всего разрушалось, уничтожалось все византийское, чтобы поставить первое османское святое сооружение, а колонна оставлена. Не разрушенная, не уничтоженная, оставленная не без тайной мысли, не без намека, точно каменный завет и указатель: добей, дорушь, доверши недовершенное.

Сулейман остановил своего черного коня и спросил, есть ли среди свиты великий зодчий Синан-бей, которому было поручено сооружение джамии и тюрге султана Селима на вершине пятого холма Царьграда.

Ибрагим сказал, что Синан-бея сегодня с ними нет.

– Позвать, – коротко велел султан, и в голосе его слышалось нетерпение.

Немедленно был послан гонец за Синан-беем, хотя Ибрагим не видел нужды в такой поспешности.

Синан, как и Ибрагим, был грек. Только не островной, а с материка, из Каппадокии. Начинал тоже, как Ибрагим, с

⁴² Чоджук – мальчишка.

рабства. Маленьким мальчиком его взяли в девширме⁴³, отдали в аджемы – янычарские ученики, там он, кроме военного дела, избрал для себя изучение архитектуры, учился у великого зодчего султана Баязида Хайреддина, но, прежде чем самому начать строить, много лет провел в походах с султаном Селимом, наводил мосты для войска, первым перебегая по ним, чтобы вонзить саблю в противника, сооружал галеры во время Ванского похода и сам возглавлял янычар, посаженных на те галеры, чтобы переправиться через озеро и захватить врасплох кызылбашей⁴⁴. Прежде чем созидать, он разрушал и уничтожал, как и все Османы. А может, и все созидания начинались с уничтожения созданного предшественниками? Затоптать кости предков, а с развалин взять камни для своих сооружений?

Султан не стал ждать Синан-бея у колонны Кызташи – это было бы недостойным его высокого сана. Но еще в тот же день зодчий встал перед Сулейманом и получил повеление свалить колонну, стоявшую близ мечети Фатиха, и использовать ее для сооружения джамии Селима.

– Она слишком высока для тех колонн, которыми я хотел окружить двор джамии, – заметил Синан-бей, не любивший, чтобы в его дела вмешивались посторонние, даже сами сул-

⁴³ *Девширме* – так называемый «налог крови», который османцы собирали в покоренных христианских странах. Маленьких мальчиков насильно забирали у родителей, отвозили в Стамбул, где отдавали в школы аджемов.

⁴⁴ *Кызылбаш* – так называли тогда персов.

таны.

– Укоротишь, – мрачно молвил Сулейман. – Укорачивают людей, не то что камень.

И добавил уже мягче из Корана:

– «Разве ты не видел, как поступил твой Господь с Ирамом, обладателем колонн?»

Пока колонну опутывали веревками, чтобы свалить, султан поехал в Сютлюдже через Золотой Рог, пострелять на Ок-Мейдане.

Сопровождал его весь двор, везли походные жаровни жарить мясо баранов и верблюдов, корзины с припасами, ковры для отдыха на траве. Сулейман пожелал после стрельбы из лука устроить трапезу на Ок-Мейдане. Фатих в первую пятницу после взятия Царьграда устроил здесь банкет для победителей. Он был так рад, что сам разносил кушанья и сладости своим визирям, повторяя при этом слова пророка: «Господин над народом – это тот, кто служит ему».

Пили и ели до сумерек. Новый султан, не имея военных побед, не имел и радостей, поэтому и не разносил кушаний своим визирям, хотя Ибрагим шутливо и подбивал его на это.

На следующий день с утра, после молитвы в мечети, султан поехал посмотреть, как будут низвергать колонну Кызташи.

Оплетенная тысячью толстых веревок, колонна походила на плененного раба, приготовленного то ли на продажу, то ли

на казнь. Тысячная толпа шевелилась у основания колонны – гологрудые, жилистые, в грязных чалмах, с диким неистовством в глазах, готовые свалить что угодно на свете: колонну, святыню, а то и самого султана. Муллы, стоявшие по краям толпы, затянули молитвы: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Когда упадет падающее – нет ничего отрицающего ее падение! – унижая и возвышая, когда сотрясется земля сотрясением, когда сокрушатся горы сокрушением».

Султан с пышной свитой стоял в ограде из толстых деревянных брусьев. Четыре ряда янычар, готовых зарубить каждого, кто бы осмелился кинуться через брусья, замыкали широкое пространство, отделявшее султана от смрада и пота тех босых, жилистых, гологрудых.

Синан-бей ждал знака султана. Султан едва заметно качнул тюрбаном; Синан-бей поднял руку. Ударили барабаны. Расставленные повсюду помощники Синан-бея прокричали приказы. Муллы завывали слова о сотрясении. Гологрудые натянули веревки. Раскрылась тысяча ртов. Вздучись жилы на сильных шеях. Дикий вой перекрыл все звуки. Плененная колонна качнулась и, описав жуткий огромный полукруг, стала падать прямо на людей. Вой перешел в полный ужаса вопль. Толпа бросилась врассыпную, чуть не смяв султана с его свитой. Колонну уже ничто не могло ни удержать, ни остановить. Она падала тяжело и мучительно. И когда ударились оземь, то словно бы стон прозвучал в пространстве, стон земли или камня – кто же разберет. Когда сотрясется сотря-

сением...

Синан-бей спокойно докладывал султану, как он хочет перевозить колонну на пятый холм Стамбула. Снова всю опутать веревками. Подложить деревянные катки. Тысяча людей станет перетаскивать колонну пядь за пядью все дальше и выше. Долго и упорно. Но неотступно. Ибо разве же не так творится все на свете?!

Сулейман долго смотрел на поверженную колонну. Молчал. Неведомо было, слушает он Синан-бея или не слушает. Перед его глазами все еще мелькали босые грязные ноги, что-то гневно кричали черно раскрытые рты, било в нос смрадом нужды и бедности. Хотел спросить, что это за люди – рабы или правоверные. Но не спросил. Молчал тяжело, упорно. Потом неожиданно сказал:

– Пусть остается тут. – И добавил загадочно, как всегда: – «Ведь поистине с тягостью легкость, поистине с тягостью легкость!»

Поздно ночью прибыл в столицу гонец, принесший весть, что в Будиме венгерский король убил султанского посла Бехрама.

Река

Вступив на престол, Сулейман обратился с посланиями к правителям всех дружественных и враждебных земель в Азии, Европе и Африке. Могущество султана должно было проявляться уже в пышных титулах, какими начиналось послание: «Я, неоценимой, бесконечной благостью Всевышнего и великими, исполненными благословения чудесами Главы пророков (которому да воздается низжайшее поклонение, купно как и его дому и его спутникам), Султан славных Султанов, Император могучих Императоров, раздаватель венцов Хозроям, что сидит на престолах, тень Аллаха на земле, служитель православных Хоремейн-у-Шерифейн (Мекки и Медины), мест божественных и священных, где все мусульмане провозглашают обеты, покровитель и властелин святого Иерусалима, повелитель трех великих городов – Константинополя, Адрианополя и Бруссы, а равно и Дамаска, запаха Рая; Триполи и Сирии; Египта, редкости века и славного своими радостями; всей Аравии, Алеппо, Араба и Аджена, Диарбекира, Зулькадрии, Эрзерума чудесного, Себаста, Аданы, Карамании, Карса, Чилдира, Вана, островов Моря Белого и Моря Черного, стран Анатолии и королевства Румелии, всего Курдистана, Греции, Туркомании, Татарии, Черкесии, Кабарды, Грузии, благородных племен татарских и всех иных Орд, от них зависимых, Кафы и других сосед-

них городов, всей Боснии с зависимыми от нее землями и укрепленными местами великими и малыми в этих землях, властитель, наконец, множества городов и крепостей, которые излишне перечислять и приводить имена, я, Император, убежище правосудия и Царь Царей, средоточие победы. Султан, сын султанов султана Селим-хана, сына султана Мехмеда Завоевателя, я, по могуществу своему, украшен титулом Императора обеих земель и для довершения величия моего Калифатства прославленный титулом обоих морей...»

Далее в зависимости от того, кому предназначалось послание, предлагалось подчиниться, или же обещан мир, или требовался мир, подтверждением чего должна была быть дань, немедленно выплаченная султанскому послу.

С таким именно требованием поехал Сулейманов посол Бехрам к венгерскому королю Лайошу, но тот, подговоренный своими бесстрашными и драчливыми графами, велел обезглавить Бехрама, султану же не ответил ничего, да и какой еще ответ мог быть после столь мерзкого поступка? Когда великая держава убивает послов державы малой, то это еще можно объяснить, ибо чрезмерность силы неминуемо должна проявиться хотя бы в действиях позорных. Но кому же может пожаловаться малая держава и у кого ей просить помощи? Зато держава великая имеет возможность надлежащим образом покарать коварных нарушителей мирового порядка, проучив их и всех тех, кому бы возжаждалось следовать нечестивцам.

В Стамбуле ударили пушки в знак войны. Янычары на Ат-Мейдане радостными криками приветствовали священную волю султана. Сулейман не созывал дивана⁴⁵, не советовался, не говорил, против кого война, но все знали и без того: против неверных, как бы они там ни назывались!

⁴⁵ *Диван* – в Османской империи совет при государе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.